

A detailed futuristic sci-fi collage in grayscale serves as the background. It features various elements: a large satellite or space station in the upper left, a cityscape with a prominent tower in the upper right, a person in a spacesuit running on a curved platform in the middle right, a large alien ship in the middle left, a lunar lander on a rocky surface in the lower right, and a city with tall spires in the lower left. The entire collage is framed by a thin yellow border with decorative yellow swirls and starbursts.

Роберт Шекли

★
**Абсолютное
оружие**
★

Рассказы

Роберт Шекли

Абсолютное оружие

«Азбука-Аттикус»

1953-1977

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Шекли Р.

Абсолютное оружие / Р. Шекли — «Азбука-Аттикус», 1953-1977

ISBN 978-5-389-20420-1

Замечательного американского писателя-визионера Роберта Шекли интересовали все сферы жизни и деятельности человека, но более всего, как истинного гуманиста, непосредственно сам человек и его сложный внутренний мир: психология, философия, религия, этика. У фонтанирующего идеями Шекли порой не хватало терпения на написание длинных романов, но зато рассказы, выходявшие из-под его острого, ироничного пера, становились подлинными жемчужинами. В сборник «Абсолютное оружие» включены рассказы, составляющие золотой фонд мировой фантастики.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20420-1

© Шекли Р., 1953-1977
© Азбука-Аттикус, 1953-1977

Содержание

«Особый старательский»	6
Абсолютное оружие	22
Где не ступала нога человека	28
Специалист	38
Ритуал	49
Безымянная гора	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Роберт Шекли

Абсолютное оружие

- © А. Д. Иорданский (наследник), перевод, 1965, 1983
- © Г. Л. Корчагин, перевод, 2015, 2021
- © Нат Аллунан, перевод, 2021
- © А. В. Санин, перевод, 1978, 1984
- © В. И. Баканов, перевод, 1984, 1988, 1990, 1991, 1997
- © М. А. Черняев, перевод, 1994
- © Г. В. Соловьева, перевод, 2021
- © А. В. Новиков, перевод, 2015
- © Д. С. Кальницкая, перевод, 2021
- © А. К. Смирнов, перевод, 2015
- © В. Т. Бабенко, перевод, 1984
- © И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1973

* * *

«Особый старательский»

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертво-белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

«Только не спать», – сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры, двадцать первый день боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, переваливал через одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы легче, но здесь слишком часто приходилось объезжать крутые овраги и валуны величиною с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись по двое: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

«Но в одиночку лучше, – напомнил себе Моррисон. – Вдвое меньше припасов, и не рискуешь случайно оказаться убитым».

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за полярным ветровым стеклом, плясала и зыбилась пустыня. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Это был крупный, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко остриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, сколотить себе состояние, как это делали уже многие до него. В Престо – последнем городке на рубеже пустыни – он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

В Престо десяти долларов ему хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над рассказами старожилов про стаи волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Но теперь, пройдя за двадцать один день тысячу восемьсот миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь и в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть; именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки замерли, и слышно было только гудение.

Моррисон выключил радио и крепко вцепился в руль обеими руками. Разжал одну руку, взглянул на часы; девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдыхать. Но не больше получаса. Где-то впереди ждет сокровище, и его нужно найти, прежде чем истощатся припасы.

Там, впереди, *непременно* должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он напал на ее следы. А что, если он наткнется на настоящую жилу, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тридцать миль в час, и Моррисон заставил себя внимательно взглянуть в опаленную жаром желтовато-коричневую местность. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейни.

Когда он доберется до богатых залежей, то вернется на Землю; они с Джейни поженятся и купят себе ферму в океане. Хватит с него старательства. Только бы одну богатую жилу, чтобы

купить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся в планктонных садках, а он сам со своим верным дельфином посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула...

Моррисон почувствовал, что пескоход бросило вбок. Он очнулся, судорожно сжал руль и изо всех сил выдернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Сильно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из-под широких колес, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу.

И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился набок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отплеываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту.

Несколько мгновений Моррисон висел в воздухе. Потом пескоход рухнул на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал треск – это лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

«Самое время вздремнуть, – сказал себе Моррисон. – Но пожалуй, лучше я сначала выясню обстановку».

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто оставалось невредимым.

«Могло быть и хуже», – сказал себе Моррисон.

Он нагнулся и внимательно оглядел шины.

«Оно и есть хуже», – добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Оставшейся резины не хватило бы и на детский воздушный шарик. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо. Через секунду засветился маленький видеозэкран. Он увидел длинное, угрюмое лицо, перепачканное маслом.

– Гараж Эла. Эдди у аппарата.

– Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас пескоход «Дженерал моторс». Помните?

– Конечно помню, – ответил Эл. – Вы тот самый парень, что поехал один по Юго-Западной тропе. Ну как ведет себя таратайка?

– Прекрасно. Машина что надо. Я вот по какому делу...

– Эй, – перебил его Эдди, – что с вашим лицом?

Моррисон провел по лбу рукой – она оказалась в крови.

– Ничего особенного, – сказал он. – Я кувыркнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.

– Не починить, – сказал Эдди.

– Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то мне без них не сдвинуться с места.

– Конечно, – ответил Эдди, – только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

– Ладно.

– Хорошо, сэр. Если сейчас вы покажете мне наличные или чек, который отошлете вместе с распиской, я буду действовать.

– В данный момент, – сказал Моррисон, – у меня нет ни цента.

– А счет в банке?

– Исчерпан дочи́ста.

– Облигации? Недвижимость? Хотя что-нибудь, что можно обратить в наличные?

– Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов.

Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

– Если вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

– Что вы хотите сказать? – спросил Моррисон. – Вы же знаете, что я заплачу за шины.

– А вы знаете законы Венеры, – упрямо сказал Эдди. – Никакого кредита! Деньги на бочку!

– Не могу же я ехать на пескоходе без шин, – сказал Моррисон. – Неужели вы меня бросите?

– Кто это вас бросит? – возразил Эдди. – Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода, снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

– Я не хочу возвращаться, – ответил Моррисон. – Смотрите!

Он поднес аппарат к самой земле.

– Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

– Следы находят все старатели, – сказал Эдди. – Проклятая пустыня полна таких следов.

– Но это богатое месторождение, – настаивал Моррисон. – Следы ведут прямо к залежам, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

– Не могу, – ответил Эдди. – Я же всего-навсего служащий. Я не имею права телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

– Деньги на бочку, – мрачно сказал Моррисон.

– Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

– Я двенадцать лет копил деньги, – ответил Моррисон. – Я не поверну назад.

Он отключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Максу Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Максу негде взять тысячу четыреста долларов – в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину, – где уж тут помогать попавшим в беду старателям.

«Не могу я просить Макса о помощи, – решил Моррисон. – По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его следы. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон. Походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И больше ничего, кроме воды, – столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон собрался в путь. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода – самое драгоценное имущество, если не считать теле-

фона. Но ничего не поделаешь. Напившись вдоволь, он взвалил на плечи тук и направился на юго-запад, вглубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над Моррисоном, как крыша из раскаленного железа. Он шел по следам золота, а по его следам шел еще кто-то.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Волки венерианской породы – маленькие, худые, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, будто в усмешке, челюстями – были одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон вгляделся и увидел рядом с первым волком еще двух.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе, футах в десяти справа от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортировку.

«Кто бы это мог мне что-то телепортировать?» – подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортировка предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным способом доставки грузов на огромные расстояния Венеры. Телепортировать можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортировать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортировка только еще входила в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него показался хромированный робот с большой сумкой.

– А, это ты, – сказал Моррисон.

– Да, сэр, – сказал робот, окончательно высвободившись из вихря. – Уильямс-четыре с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры – сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задержалась.

– К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался? – спросил робот.

– Ну да, – ответил Моррисон, забирая свои письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

– Где-то здесь было еще одно, – сказал Уильямс-4. – Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайтесь доброго совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

– Глупо, просто глупо, – сказал старый робот. – Если б вы повидали с мое... Сколько раз мне попадались вот такие парни – лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи,

а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие.

Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями.

– Но они такие же, как и все, – продолжал Уильямс-4. – Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно после того, как с ними разделяются волки. И тогда мне приходится пересылать письма и личные вещи их возлюбленным на Землю.

– Знаю, – ответил Моррисон. – Но кое-кто остается в живых.

– Конечно, – согласился робот. – Я видел, как люди сколачивали себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

– Только не я, – ответил Моррисон. – Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся:

– Ненавижу соленую воду. Но каждому – свое. Желаю удачи, молодой человек.

Робот внимательно оглядел Моррисона – вероятно, прикидывая, много ли при нем личных вещей, – и полез обратно в воздушный вихрь.

Мгновение – и он исчез. Еще мгновение – исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусбург, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-нибудь стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользование телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейни. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейни писала о фермах в Атлантическом океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она нашла в Карибском море недалеко от Мартиники. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она посылала ему всю свою любовь и заранее поздравляла с днем рождения.

«День рождения? – спросил себя Моррисон. – Погодите, сегодня двадцать третье июля. Нет, двадцать четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейни».

В эту ночь ему снились Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он обнаружил, что видит во сне многие мили золотых жил, оскаливших зубы песчаных волков и «Особый старательский».

Моррисон продолжал идти по дну давно исчезнувшего озера, где камни сменились песком. Потом снова пошли камни, мрачные, скрученные, изогнутые на тысячу ладов. Красные, желтые, бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого пятнышка.

Он все шел вглубь пустыни, вдоль хаотических нагромождений камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день, после того как он бросил пескоход, следы золота стали настолько заметными, что породу уже можно было промывать. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход – и все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги».

На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седеющими волосами.

– «Коммунальные услуги», – сказала она. – Чем мы можем вам помочь?

– Привет, – весело отозвался Моррисон. – Как погода в Венусборге?

– Жарко, – ответила женщина. – А у вас?

– Я даже не заметил, – улыбнулся Моррисон. – Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

– Вы нашли золотую жилу? – спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

– Конечно, – ответил Моррисон. – Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их. – Беззаботно улыбаясь, он показал ей свои фляги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Это было жульничество, но ему было не до приличий.

– Ваш счет в порядке? – спросила женщина.

– Конечно, – ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице. – Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

– О, этим занимаются другие. Держите крепче флягу. Готово!

Крепко держа флягу руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флягу с чарующим журчанием. Глядя на нее, Моррисон почувствовал, как его пересохший рот стал наполняться слюной.

Вдруг вода перестала течь.

– В чем дело? – спросил Моррисон.

Экран телефона померк, потом снова засветился, Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом. Перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент, отдел счетов».

– Мистер Моррисон, – сказал Рид, – ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманым путем. Это уголовное преступление.

– Я заплачу за воду, – сказал Моррисон.

– Когда?

– Как только вернусь в Венусборг.

– Чем вы собираетесь платить?

– Золотом, – ответил Моррисон. – Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки. Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку. Еще день – и я найду золотоносную породу...

– Так думает каждый старатель на Венере, – сказал мистер Рид. – Всего один день отделяет каждого старателя от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах».

– Но в данном случае...

– «Коммунальные услуги», – продолжал мистер Рид, – не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита, мистер Моррисон. Венера – еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие приходится ввозить сюда с Земли за немыслимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая на Венере, вынуждена удовлетвориться крайне малой прибылью, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему здесь не может быть кредита.

– Я все это знаю, – сказал Моррисон. – Но я же говорю вам, что мне нужен только день или два, не больше...

– Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался пескоход. Ваш меха-

ник сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы того не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

– Да, конечно, – устало ответил Моррисон.

– Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

– Я пока не хочу возвращаться. Я почти нашел месторождение.

– Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли каждому старателю рыскать по пустыне и снабжали его водой? Туда устремились бы десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

– Нет, – ответил Моррисон.

– Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за снабжение вас водой.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. А если вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах и будет тщетно искать работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежках и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А где он достанет деньги, чтобы вернуться на Землю? Когда он снова увидит Джейни?

– Я, пожалуй, пойду дальше, – сказал Моррисон.

– Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас, – повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скудных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих токах воздуха, ожидая, пока волки прикончат Моррисона. Потом коршуна сменила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их, в свою очередь, прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, он шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг, по-видимому, было золото. Но самой жилы он еще не обнаружил.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Но не услышал плеска. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он снова завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

На экране появилось круглое, озабоченное лицо Крэндолла.

– Томми, – сказал он, – на кого ты похож?

– Все в порядке, – ответил Моррисон. – Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

– Ты в этом уверен? – спросил Макс.

– Смотри сам, – сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны. – Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

– Верно, признаки золота, – неуверенно согласился Крэндолл.

– Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь! – сказал Моррисон. – Послушай, Макс, я знаю, что у тебя туго с деньгами, но хочу попросить об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы мне хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

– Не могу, – грустно ответил Крэндолл.

– Не можешь?

– Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь сделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон.

Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы.

Остался только телефон.

– Не знаю, почему не забрали и телефон, – сказал Крэндолл. – Я должен за него за два месяца.

– Я тоже, – вставил Моррисон.

– Меня ободрали как липку, – сказал Крэндолл. – Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу питаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Ремстаатеру.

– Джиму Ремстаатеру?

– Ага. Он шел по следам золота на север, за Забытую речку. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

– Я бы поручился за него, если бы мог, – сказал Моррисон.

– И он поручился бы за тебя, если бы мог, – ответил Крэндолл. – Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

– Какая?

– Найди породу. Не просто признаки золота, а настоящее месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотиносная порода, я приведу Уилкса из «Три-планет майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

– Но это же грабеж!

– Нет, просто цена кредита на Венере, – ответил Крэндолл. – Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

– Хорошо, – сказал Моррисон. – Она должна быть где-то здесь. Макс, какое сегодня число?

– Тридцать первое июля. А что?

– Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пассадене, близнецы в Лаосе, дядя Тед в Дуранго. И конечно, Джейни, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, снова упаковал телефон рядом с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над головой без конца кружили молча черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

– Я еще жив! – заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Все вокруг прыгало и плясало перед глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые фляги, выбросил все, кроме прибора для анализов, телефона и револьвера. Или он выйдет из этой пустыни победителем, или не выйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти настоящую жилу.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру у подножия утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и шелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейни говорила ему:

– Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

– Проклятие! – отвечал Моррисон. – Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

– Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

– Позвони ветеринару.

– Звонила. Он у Блейков, ухаживает за молочным китом.

– Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

– Не успеешь обсохнуть, как уже приходится снова лезть в воду.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Пристально посмотрев на перегороденный вход в пещеру, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон; на этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окаймлявших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а выдавшие виды бармены добавляли новые подробности. В восемьдесят девятом году его заказал Кэрк – большую порцию, специально для себя. Эдмондсон и Арслер отведали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие заказывали его, сидя на своих драгоценных золотых жилах. По крайней мере так говорили.

Но существует ли он на самом деле? Есть ли вообще такой коктейль – «Особый старательский»? Доживет ли Моррисон до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну конечно! Ведь он уже почти может его разглядеть...

Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он еле-еле полз к югу, за ним по пятам шли волки, на него ложились тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где в этой заброшенной пустыне золотоносная порода?

Где? Ему было уже почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, останавливаясь только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали грызться из-за них. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя – он слишком устал, чтобы идти дальше.

Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то совсем рядом...

– Черт возьми!.. – произнес Моррисон.

Небольшой овраг, куда он свалился, был сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском – внутри сверкали яркие красные и пурпурные точки.

«Проверь», – сказал себе Моррисон. – Не надо ложных тревог. Не надо миражей и обманутых надежд. Проверь».

Рукояткой револьвера он отколол кусочек камня. С виду это была золотиносная порода. Он достал свой набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и зазеленел.

– Золотиносная порода, точно! – сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага. – Эге, да я богач!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

– Макс! – заорал он. – Я нашел! Нашел настоящее месторождение!

– Меня зовут не Макс, – сказал голос по телефону.

– Что?

– Моя фамилия Бойярд, – сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

– Извините, мистер Бойярд, – сказал Моррисон, – я, наверное, не туда попал. Я звонил...

– Это не важно, куда вы звонили, – сказал мистер Бойярд. – Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

– Теперь я могу заплатить, – ухмыляясь, заявил Моррисон.

– Прекрасно, – ответил мистер Бойярд. – Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

– Подождите! – закричал Моррисон. – Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен один раз позвонить. Только один раз, чтобы...

– Ни в коем случае, – решительно ответил мистер Бойярд. – После того как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

– Но у меня деньги здесь! – сказал Моррисон. – Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

– Ладно, это не полагается, но я думаю, мы можем выслать вам специального работника, если вы согласны оплатить расходы.

– Согласен!

– Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

– Здесь, – ответил Моррисон. – Узнаете? Это золотиносная порода!

– Мне уже надоело эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь нам устроить. Показывает горсть камешков...

– Но это на самом деле золотиносная порода! Неужели вы не видите?

– Я деловой человек, а не ювелир, – ответил мистер Бойярд. – Я не могу отличить золотоносную породу от золототысячника.

Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался снова дозвониться до него. Телефон молчал – не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил аппарат на землю и огляделся. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. На его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Сзади послышался какой-то шорох. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Не раздумывая ни секунды, Моррисон выхватил револьвер и выстрелил, разmozжив голову зверя.

– Черт возьми, – сказал Моррисон, – я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Вокруг красными и пурпурными искрами сверкала золотоносная порода. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружились коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортировки. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятились назад.

– Как раз вовремя, – сказал Моррисон.

– Вовремя для чего? – спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

– Ну-ну, молодой человек, – произнес Уильямс-4, – ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве не советовал вернуться? Посмотрите-ка!

– Ты был совершенно прав, – сказал Моррисон. – Что мне прислал Макс Крэндолл?

– Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

– Тогда почему ты здесь?

– Потому что сегодня ваш день рождения, – ответил Уильямс-4. – У нас на почте в таких случаях всегда бывает специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пачку писем – поздравления от Джейни, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

– И еще кое-что, – сказал Уильямс-4, роаясь в своей сумке. – Должно быть кое-что еще. Пойдите... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешно сорвал обертку. Это был подарок от тети Мины из Нью-Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты – прямо из Атлантик-Сити.

– Говорят, очень вкусно, – сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо. – Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу пожелать, – это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

– погоди! – крикнул Моррисон. – Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

– Понимаю, – ответил Уильямс-4. – Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть какие-то чувства.

– Тогда помоги мне!

– Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто седьмом меня примерно о том же просил Эбнер Лэтти. Его тело потом искали три года.

– Но у тебя есть аварийный телефон? – спросил Моррисон.

– Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

– Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?

– Конечно, могу, – ответил робот. – Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Максу, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать воду и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

– Я полагаю, у вас есть марка? – спросил робот.

– Нет, – ответил Моррисон. – Но я куплю ее у тебя.

– Прекрасно, – ответил робот. – Мы только что выпустили новую серию венусборгских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

– Хорошо. Очень умеренная цена. Давай одну.

– Остается решить еще вопрос об оплате.

– Вот! – сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов.

Почтальон осмотрел камень и протянул его обратно:

– Извините, но я могу принять только наличные.

– Но это стоит дороже, чем тысяча марок! – сказал Моррисон. – Это же золотоносная порода!

– Очень может быть, – ответил Уильямс-4, – но я не запрограммирован на пробирный анализ. И почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

– У меня их нет.

– Очень жаль.

Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.

– Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

– Не только могу, но и должен, – грустно сказал Уильямс-4. – Я всего лишь робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей; по сути дела – такой предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотоносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти стряхнул было Моррисона. Но тот вцепился в него, как безумный. Дюйм за дюймом он вытаскивал робота из вихря, швырнул на землю и придавил его своим телом.

– Вы нарушаете работу почты, – сказал Уильямс-4.

– Это еще не все, что я собираюсь нарушить, – прорычал Моррисон. – Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через пятнадцать минут после того, как разбогател!

– У вас нет выбора.

– Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

– Это невозможно, – ответил Уильямс-4. – Я его не дам. А сами вы до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

– Возможно, – ответил Моррисон. – Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

– Что вы хотите сделать? – спросил Уильямс-4.

– Хочу посмотреть, не смогу ли я превратить тебя в металлолом без всякой механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

– Это действительно логично, – ответил робот. – У меня, конечно, нет инстинкта самосохранения. Но позвольте заметить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

– Надеюсь, – сказал Моррисон, заноса револьвер над головой.

– Кроме того, – поспешно добавил робот, – вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

Моррисон засмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми своими двумястами фунтами.

– На этот раз я не промахнусь, – пообещал Моррисон, примериваясь снова.

– Стойте! – сказал Уильямс-4. – Мой долг – охранять казенное имущество даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

– Давайте телефон, – сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

– Ясно, ясно, – сказал Крэндолл. – Ладно, попробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

– Открой! – сказал Моррисон. – Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

– Это не так просто. Ты еще не оформил права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение чего-то стоит.

– Смотри. – Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

– Похоже на правду, – заметил Крэндолл. – Но к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

– Как же нам быть? – спросил Моррисон.

– Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе Общественного Маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

– Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

– Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

– А если нет?

– Может, лучше нам об этом не говорить, – сказал Крэндолл. – Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

– За двадцать три года службы, – произнес Уильямс-4, – впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

– Знаю, – сказал Моррисон. – Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме – все же лучше, чем умереть.

– Сомневаюсь. Я и туда, знаете, ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

– Как? – переспросил ошеломленный Моррисон.

– Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

– Спасибо, Уильямс. Не знаю, как мне...

– Я просто исполняю свой долг, – сказал робот, подходя к вихрю. – Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вам почту в тюрьму.

– Меня здесь не будет, – ответил Моррисон. – Прощайте, Уильямс.

Робот исчез в вихре.

Потом исчез и вихрь.

Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Он разыскал выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы, ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплескались мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы – лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова взгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив к трещине край стальной пряжки, он ударами револьвера вогнул ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара – и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар – и выступ отделился от жилы. Отломившийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким оно кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный сюда Общественный Маркшейдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

– Добрый день, сэр, – сказал Маркшейдер. – Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

– Да, – ответил Моррисон.

– А где центр вашего участка?

– Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

– Очень хорошо, – сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

– Что ты делаешь? – спросил Моррисон.

– Глубинные фотографии участка, – ответил робот. – Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

– Нет!

– Ладно, придется повозиться, – сказал робот.

Он переходил с места на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспотел бы, если бы только был на это способен.

– Все, – сказал он наконец. – Конечно. Вы дадите мне с собой образец?

– Вот он, – сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая его Маркшейдеру. – Все?

– Абсолютно все, – ответил робот. – Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал:

– Чего не предъявил?

– Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, согласно правительственному постановлению, не содержит радиоактивных веществ в количествах, превышающих пятьдесят процентов общей массы до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

– Я никогда о нем не слышал, – сказал Моррисон.

– Его сделали обязательным условием на прошлой неделе, – объяснил съемщик. – У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша обычная неограниченная заявка недействительна.

– Что же мне делать?

– Вы можете вместо нее оформить специальную ограниченную заявку, – сказал робот. – Поискового акта для нее не требуется.

– А что это значит?

– Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к правительству Венеры.

– Ладно! – заорал Моррисон. – Хорошо! Прекрасно! Это все?

– Абсолютно все, – ответил Маркшейдер. – Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

– Пришлите мне что-нибудь отбиваться от волков, – сказал Моррисон. – И еды. И послушайте, я хочу «Особый старательский».

– Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли оставшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью: «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью: «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился в четверти мили от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская еще большую медную выпуклость. Днище уже стояло на песке, а выпуклость все росла. Когда наконец она показалась вся, в безбрежной пустыне возвышалась гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней.

«Попросить бы мне флягу», – говорил он себе, мучимый страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше.

Вот наконец перед ним стоял «Особый старательский» – выше колокольни, больше дома, наполненный водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан», – подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

Абсолютное оружие

Эдселу хотелось кого-нибудь убить.

Вот уже три недели он блуждал по мертвым землям вместе с Парком и Факсоном. Троица зарывалась в каждый попавшийся на маршруте курган, ничего там не находила и перебиралась к следующему. Шло на убыль короткое марсианское лето, день ото дня холодало все сильнее. И день ото дня нервы Эдсела, и в благополучные-то времена не слишком крепкие, натягивались все туже. Вот коротышка Факсон, тот весело трещал без умолку, все мечтал о бешеных деньжищах, которые они выручат за найденное оружие. А Парк знай себе топал вперед и держал язык за зубами – неумолимый, будто из железа сделанный, он лишь отвечал на вопросы.

Эдсел понимал: чаша его терпения переполнилась. Он вот-вот сорвется.

Еще один курган, и опять никаких следов пресловутого марсианского оружия. Казалось, водянистое солнце глумливо насмехается над искателями. В небе невероятной синевы виднелись звезды. Под скафандр забирался предвечерний холод, у Эдсела немели суставы, стягивались в узлы большие мускулы.

Вот бы взять да и прикончить Парка. Этого типа он невзлюбил еще на Земле, когда они оформляли долевое участие в будущей экспедиции. С каждым днем неприязнь крепла, и теперь Эдсел ненавидел молчуна даже сильнее, чем презирал Факсона.

Он остановился.

– Ты хоть знаешь, куда мы идем? – спросил он у Парка тихим, недобрый голосом.

Тот равнодушно пожал худыми плечами, на бледном костистом лице не отразилось никаких эмоций.

– Так знаешь или нет?

Снова пожатие плечами.

«Всажу-ка я ему пулю в башку», – решил Эдсел и потянулся к пистолету.

– Стой! – взмолился Факсон, вклиниваясь между партнерами. – Эдсел, не сходи с ума! Лучше подумай о куше, который нас ждет! – При мысли о сокровищах у коротышки засияли глаза. – Наверняка тайник совсем рядом – может, в следующем кургане.

Эдсел колебался, прожигая Парка лютым взглядом. Как же хочется убить – в жизни ничего не хотелось сильнее. Если бы на Земле он знал, чем обернется их затея... Тогда все казалось таким простым. Эдселу в руки попала металлическая пластинка с описанием места, где спрятано полумифическое оружие. Парку удалось прочесть марсианские письма, а Факсон профинансировал экспедицию. Оставался суший пустяк: высадиться на Марсе и прогуляться до кургана с кладом.

Прежде Эдсел никогда не покидал Землю. Кто бы ему подсказал, что придется неделями трястись от стужи, и голодать, растягивая запас пищевых концентратов, и едва не падать в обморок, дыша разреженным рециркулированным воздухом. И это не говоря о вечно ноющих мышцах. Целыми днями проламываться через густой марсианский кустарник – это тебе не фунт изюму.

Единственное, о чем он думал тогда, на Земле, – это о деньгах, которые правительство – любое правительство – отвалит за легендарное оружие.

– Прости, Парк, – отказался от своего намерения Эдсел. – Это на меня Марс так паршиво действует. Не сердись, старина. Пойдем дальше.

Парк кивнул и зашагал вперед как ни в чем не бывало. Факсон шумно перевел дух и засеменил за молчуном.

«Коли на то пошло, – подумал Эдсел, – убить его я всегда успею».

Заветный курган они обнаружили ближе к вечеру – терпение Эдсела было уже готово лопнуть. Холм, как и сулила табличка, оказался массивным, необычной формы. Под несколькими дюймами грунта прятался металл. Искатели копнули и обнаружили дверь.

– Сейчас я ее вышибу! – Эдсел потянул из кобуры пистолет.

Его отгеснил плечом Парк, взялся за дверную ручку, повернул.

Перед ними открылся гигантский зал. И там рядами лежали, поблескивая, артефакты Исчезнувшей Цивилизации, легендарное оружие марсиан.

С минуту трое искателей могли лишь стоять на пороге и молча взирать, настолько они были потрясены своим открытием. Вот он, клад, который люди уже отчаялись найти. С тех пор как на Марсе впервые высадился землянин, не прекращалось изучение развалин великих городов. По всей планете были разбросаны средства передвижения, произведения искусства, орудия труда – призраки титанической цивилизации, на тысячи лет опередившей земную. Расшифрованные терпеливыми учеными тексты повествовали о чудовищных войнах, бушевавших на поверхности Марса. Однако ни в одном тексте не упоминалось о том, каким был конец марсианской истории. Вот уже несколько тысячелетий на планете полностью отсутствовала разумная жизнь. И не только разумная – исчезли вообще все животные.

Куда же, спрашивается, подевались марсиане и где они припрятали свое оружие?

Оружие, которое, как было известно Эдселу, ценилось на вес радия. Потому что ничего хотя бы отдаленно похожего земляне не изобрели.

Искатели вошли в зал. Эдсел взял первое, что подвернулось под руку. Похоже на пистолет сорок пятого калибра, только покрупнее и потяжелее. Он вернулся к двери и прицелился в ближайший куст.

– Не надо! – встревожился Факсон. – Вдруг оно назад стреляет, или еще какие сюрпризы... Пускай с ним спецы разбираются, когда продадим.

Эдсел нажал на спуск. Яркая красная вспышка, взрыв – и куста как не бывало.

– Неплохо. – Эдсел похлопал по пистолету, отложил его и потянулся за другим.

– Эдсел, пожалуйста, прекрати, – испуганно глядя на партнера, взмолился Факсон. – Какая необходимость испытывать находки? А вдруг атомная бомба попадетсЯ, ты и ее взорвешь?

– Заткнись. – Эдсел уже осматривал следующий предмет, искал гашетку.

– Не надо больше палить! – Факсон бросил умоляющий взгляд на Парка, но молчун не оказал поддержки, он равнодушно наблюдал за Эдселом. – А вдруг здесь хранится то самое оружие, что уничтожило марсианскую расу? Неужели мы хотим снова привести его в действие?

Эдсел выстрелил, и равнину осветила жаркая вспышка.

– Классная вещица!

Он взял очередной предмет – стержневидной формы. Стужа была забыта. Эдсела переполняло подлинное счастье – он получил уйму восхитительных игрушек.

– Давайте же наконец приступим к делу, – предложил, направляясь к двери, Факсон.

– К делу? – не понял Эдсел. – Ты о чем? – И взял новую блестящую штуковину, с удобными выемками под кисть и запястье.

– Вернемся в порт, – объяснил Факсон. – Продадим все это добро, как и планировали. Да за такие сокровища мы можем заломить практически любую цену... Нет, любую без «практически». Правительство миллиарды заплатит!

– Я передумал, – буркнул Эдсел.

Краем глаза он наблюдал за Парком. Тощий партнер брел между стеллажами с оружием, но пока ни до чего не дотронулся.

– Вот что я тебе скажу! – заговорил Факсон, зло глядя на Эдсела. – Эту экспедицию профинансировал я. С самого начала мы решили продать найденное. Я имею право на... а может, и не имею.

Неиспытанное оружие нацелилось на его солнечное сплетение.

– Что ты задумал? – пролепетал Факсон, стараясь не смотреть на страшную вещь.

– Торги отменяются, – ответил Эдсел, прислонясь к стене пещеры. – Пожалуй, все это мне самому пригодится. – Держа в поле зрения обоих партнеров, он широко улыбнулся. – Когда вернемся домой, найдем серьезных ребят. С таким арсеналом можно запросто захватить власть в какой-нибудь маленькой центральноамериканской стране. И удерживать ее до скончания века.

– Нет уж! – глядя на оружие, проговорил Факсон. – В подобных авантюрах я участвовать не желаю. На меня прошу не рассчитывать.

– Как скажешь, – равнодушно ответил Эдсел.

– Не беспокойся, не проболтаюсь, – поспешил добавить Факсон. – Просто стрельба, убийства – это не по мне. Так что я, пожалуй, пойду назад.

– Конечно, – согласился Эдсел.

Парк стоял сбоку, разглядывал свои ногти.

– Если тебе удастся обзавестись собственным королевством, я заеду погостить, – с робкой улыбкой пообещал Факсон. – Может, ты меня пожалуешь титулом герцога или еще каким...

– Да запросто.

– Ну тогда до встречи. – Факсон помахал рукой и двинулся к выходу.

Эдсел позволил ему отойти на двадцать футов, затем прицелился и нажал на гашетку.

Не было ни вспышки, ни хлопка, но Факсону аккуратно отсекло руку. Эдсел поспешил снова выстрелить, перечеркнув Факсона невидимым лучом. Коротышку развалило пополам, досталось и земле по бокам от него.

Эдсел резко повернулся кругом, запоздало сообразив, что подставил Парку спину. Тому достаточно было схватить ближайшее оружие и открыть огонь. Но Парк стоял на прежнем месте, руки были сложены на груди.

– Таким лучом что угодно можно резать, – сказал он. – Полезная вещь.

Эдсел провел восхитительные полчаса, то выскакивая наружу, то вбегая в зал с различными изделиями военного предназначения. Парк ни к чему не прикасался, однако наблюдал с любопытством. Марсианское оружие стреляло безукоризненно, несколько тысячелетий бездействия нисколько ему не повредили. На складе хранилась уйма бластеров всевозможных конструкций и самой разной убойной силы, на диво компактные излучатели тепла и радиоактивных частиц, устройства для замораживания и устройства для сжигания. Другие позволяли давить, резать, парализовать, створаживать кровь и лишать жизни всякими иными способами.

– Давай-ка ее проверим, – предложил Паркер.

Эдсел, увлеченно испытывавший занятую трехстволку, оглянулся:

– Я занят.

– Хватит возиться с игрушками. Взгляни, вот это, кажется, посерьезнее будет.

Парк указывал на приземистую черную машину. Она была на колесиках, что позволило компаньонам выкатить ее за дверь. Там Эдсел повозился с настройками, а Парк постоял, наблюдая. В недрах машины тихо загудело, она окуталась синеватой дымкой. Эдсел все корпел над пультом, а дымка расплзалась, и вот уже она обволокла людей.

– Попробуй-ка бластером, – посоветовал Парк.

Эдсел схватил подходящий пистолет и выстрелил, но дымка поглотила заряд.

– Эта машинка, наверное, атомный взрыв остановит, – тихо проговорил Парк. – Силовое поле!

Эдсел выключил аппарат и пошел в пещеру. Там уже было темно, так как солнце приблизилось к горизонту.

– Знаешь, Парк, а ты мне нравишься, – сказал Эдсел. – Парень что надо.

– Спасибо, – отозвался компаньон, оглядывая грандиозный арсенал.

– Ты же не держишь на меня зуб за Факсона? Если бы я его не шлепнул, он бы двинул прямиком к властям.

– Не держу. Совсем напротив, одобряю.

– Вот и славно. Я понял, что тебе можно доверять. Ведь ты не прикончил меня, пока я разбирался с Факсоном.

Эдсел не добавил, что сам он на месте Парка именно так бы и поступил.

Тот пожал плечами.

– Как тебе моя идея насчет собственного королевства? – с ухмылкой спросил Эдсел. – Вдвоем-то мы можем это проверить. Уютное местечко, толпа девочек, веселье, заживем как в раю. Что скажешь?

– Конечно, – сказал Парк. – Записывай меня в команду.

Эдсел хлопнул напарника по плечу, и вместе они пошли между рядами стеллажей с оружием.

– С этим все ясно, – сказал Парк, когда они достигли конца зала. – Одни и те же системы в разных вариациях.

Они увидели в стене дверь с вырезанными на ней марсианскими письменами.

– И о чем говорят эти закорючки? – спросил Эдсел.

– О каком-то абсолютном оружии, – разглядывая мелкие вычурные буквы, ответил Парк. – Советуют нам туда не входить.

Он открыл дверь. Партнеры шагнули за порог – и остолбенели.

Этот зал был втрое больше предыдущего. И насколько хватало глаз, его заполняли солдаты – в нарядных мундирах, при полном вооружении, неподвижные, точно статуи.

Неживые.

Возле двери находился стол, а на нем лежали три вещи. Шар размером с кулак взрослого мужчины, с круглой приборной шкалой на поверхности. Сияющий шлем. И черная коробочка – опять же с марсианскими буквами.

– Кладбище, что ли? – прошептал Эдсел, в страхе глядя на суровые нечеловеческие лица марсианских воинов.

Стоявший рядом Парк не ответил.

Эдсел подошел к столу и взял шар. Осторожно повернул диск на одно деление.

– Для чего это, как думаешь? – спросил он компаньона.

– Ну, может...

Оба ахнули и отпрянули.

Шеренги пришли в движение. Бойцы покачнулись, но тотчас снова приняли стойку смирно. И на их лицах уже не было смертной неподвижности. Древнее войско ожило.

Один из солдат, в пышном пурпурно-серебряном мундире, вышел вперед и поклонился Эдселу:

– Повелитель, армия готова выполнять твои приказы.

Эдсел был настолько потрясен, что утратил дар речи.

– Как вам удалось прожить тысячи лет? – спросил Парк. – Вы марсиане?

– Мы слуги марсиан, – ответил воин.

Парк заметил, что у него не шевелятся губы. К людям это существо обращалось телепатически.

– Мы синтетики, повелитель.

– И кому же вы подчиняетесь?

– Активатору, повелитель. – Отвечая, синтетик смотрел на Эдсела, вернее, на шар в его руке. – Мы не нуждаемся в пище и сне, наше единственное желание – служить тебе и сражаться за тебя.

Бойцы в строю дружно кивнули, подтверждая его слова.

– Веди нас в битву, повелитель!

– Еще как поведу! – опомнился наконец Эдсел. – Уж не сомневайтесь, парни, это будет битва что надо!

Армия трижды салютовала ему, выкрикивая боевой клич. Эдсел с ухмылкой взглянул на Парка.

– А что могут остальные вещички? – кивнул он на стол.

Но солдат промолчал, – должно быть, вопрос выходил за рамки его программы.

– Включают других синтетиков? – предположил Парк. – Наверное, под нами есть еще помещения.

– Братя! – вскричал Эдсел. – Пойдете со мною в бой?

И снова ему был ответом тройной боевой клич.

– Усыпи их, и давай подумаем, как быть дальше, – предложил Парк.

Эдсел неохотно вернул диск в исходное положение, и солдаты окаменели.

– Идем наружу.

– Хорошо.

– И вот это прихватим. – Взяв сияющий шлем и черную коробочку, Эдсел зашагал следом за Парком.

Уже почти зашло солнце, на рыжую землю легли черные тени. Компаньоны были так возбуждены, что не замечали лютой стужи.

– Парк, ты слышал, что они сказали? Слышал? Назвали меня своим повелителем! Да с такими бойцами... – Эдсел запрокинул голову и расхохотался, глядя в небеса.

С такими бойцами он обязательно завоюет себе королевство. Будут у него и самые красивые в мире девочки, и... Ох и заживет же он!

– Я генерал! – вскричал Эдсел и нахлобучил шлем на голову. – Слышь, Парк, как я смотрюсь?

Он умолк. В ушах зашептал, забормотал голос: «...что за идиот, прости господи! Надо же, размышлял о собственном королевстве. Бремя такого могущества по плечу только гению, человеку, способному изменить ход истории. И этот человек – я!»

– Кто это сказал?! Парк, ты, что ли?

Эдсел сообразил, что шлем позволил ему услышать чужие мысли. О том, каким мощным оружием в руках правителя могла бы стать эта вещь, он подумать не успел. Парк застрелил его в спину из пистолета, который все это время держал в руке.

– Нет, правда, каков болван! – бормотал под нос Парк, снимая с мертвеца шлем и надевая на собственную голову. – Страну ему подавай! Всю власть в мире можно прибрать к рукам, а он мечтал о крошечном королевстве. – Парк оглянулся на пещеру. – Да с этими солдатами... и с силовым полем, и с оружием я заполучу целую планету!

Говорилось это совершенно бесстрастным тоном – Парк несколько не сомневался в успехе своего грандиозного замысла. Он двинулся к пещере, намереваясь включить синтетиков, но задержался, чтобы забрать у убитого черную коробочку.

«Абсолютное оружие», – прочел он резные, с плавным начертанием линий марсианские слова.

«И что бы это значило?» – задал себе вопрос Парк.

Он позволил Эдселу прожить достаточно времени, чтобы тот успел испытать все хранящиеся на складе типы оружия. Нет необходимости заниматься этим самому – мало ли что... Но жаль, что эта коробочка осталась непроверенной.

«Ну и пусть, – убеждал себя Парк. – Систем, с которыми я уже знаком, больше чем достаточно. Но что, если эта штукавина способна упростить мне задачу? Избавить от лишнего

риска? Что бы она ни представляла собой, я найду ей применение. Да и просто хочется узнать, что марсиане подразумевали под абсолютным оружием».

И он открыл коробочку.

Наружу потянулся дымок. Ядовитый газ? Парк в страхе отшвырнул находку.

Дым повитал бесцельно, постоял столбом, а затем принялся сгущаться. Облако росло вширь и ввысь, обретало форму.

Еще несколько секунд – и над коробочкой повисло нечто материальное, мерцающее в закатных лучах. Наконец Парк понял, что это громадная пасть, увенчанная парой немигающих глаз.

– Хо-хо! – изрекла пасть. – Протоплазма! – И поплыла к труп Эдсела.

Парк поднял бластер, тщательно прицелился.

– Пассивная протоплазма, – заключила пасть, потыкавшись в тело Эдсела. – Люблю пассивную протоплазму.

Один глоток – и нет покойника.

Выстрел Парка пробил в земле отверстие диаметром в десять футов. Исполинская пасть, хихикая, отплыла чуть в сторону.

– Как же долго я ждал! – сказал монстр.

Парк взял нервы в узду. Сейчас нельзя поддаваться панике. Действуя хладнокровно и расчетливо, он активировал силовое поле, окружил себя синеватой сферой. Хихикающая тварь беспрепятственно проплыла через защитный экран.

Тогда Паркер схватил оружие, из которого Эдсел убил Факсона. Великолепно сбалансированный приклад удобно лег в руки. Тварь приближалась; Парк попятился и выпустил луч.

А монстру хоть бы что.

– Сдохни! Сдохни! – судорожно нажимая на спуск, вопил Парк.

Выдержка все же отказала ему.

– Люблю пассивную протоплазму, – сказала чудовище, прежде чем сомкнуть на Парке великанские губы. – Но и от активной никогда не отказываюсь.

Оно слотнуло и выплыло из силового поля, хищно высматривая кругом миллионы сгустков протоплазмы, как в старые добрые времена.

Где не ступала нога человека

Хеллмен выловил циркулем из консервной банки последнюю редиску. Позволил Каскеру полюбоваться ею и уложил на приборную панель возле бритвы.

– Чертовски сытная трапеза для двух взрослых мужчин, – проворчал Каскер, плюхнувшись в одно из двух мягких противоперегрузочных кресел.

– Ну, если желаешь отказаться от своей доли...

Каскер замотал головой, не дав напарнику договорить. Улыбнувшись, Хеллмен поднял бритву и осмотрел критическим оком лезвие.

– Не томи, – буркнул Каскер, скользнув взглядом по приборам. Корабль приближался к красному карлику, единственному в окрестностях солнцу с планетой на орбите. – Скоро прилетим, надо к этому времени управиться с ужином.

Хеллмен сделал на редиске надрез и снова сощурился, всматриваясь в лезвие. Каскер, приоткрыв рот, наклонился к панели. Хеллмен осторожно приставил бритву и разрезал редиску точно пополам.

– Молитву прочтешь? – спросил он.

Каскер проворчал нечто неразборчивое и поспешил отправить полредиски в рот. Хеллмен, напротив, жевал медленно. Резкий вкус подобно взрывной волне разбежался по отвыкшим от пищи пупырышкам языка.

– Пищевая ценность – около нуля, – сказал Хеллмен.

Каскер не ответил. Он сосредоточенно изучал красный карлик.

Дожевав, Хеллмен подавил грустный вздох. Они в последний раз нормально поели трое суток назад... если две галеты с чашкой воды заслуживают названия «нормальная еда». Теперь эта редиска, едва ли нарушившая гулкую пустоту двух желудков, – и все, больше на борту нет ни грамма съестного.

– Две планеты, – произнес Каскер. – Одна зажарена с хрустящей корочкой.

– Значит, сядем на другую.

Каскер кивнул и запрограммировал автопилот на спиральное снижение.

Хеллмен поймал себя на том, что уже в сотый раз гадает о причине их с Каскером невезения. Может, на станции Калао он неправильно оформил заказ на продукты? Такое могло случиться, ведь Хеллмена тогда куда больше заботило шахтное оборудование. А может, служба станции просто забыла доставить эти последние драгоценные ящики?

Он затянул ремень еще на одну дырку – четвертую из тех, что сам же и проковырял.

Что толку ломать голову? Даже если поймешь причину, ситуацию это не исправит. Хеллмен и Каскер здорово влипли. Ирония в том, что у них предостаточно топлива для возвращения на Калао. Вернее, у их обтянутых кожей скелетов.

– Мы уже входим, – сообщил Каскер.

И как назло, в этой неразведанной области пространства лишь жалкая горстка солнц, а планет и того меньше. Есть мизерная теоретическая возможность пополнить запасы воды, но шансы обнаружить что-нибудь пригодное в пищу, скорее всего, нулевые.

– Ты только глянь! – рыкнул Каскер.

Хеллмен оторвался от тоскливых раздумий.

Планета смахивала на круглого серовато-бурого дикобраза. В скудном свете красного карлика поблескивал миллион гор, длинных и острых, как иглы. Корабль сужал свои витки вокруг планеты, и казалось, эти иглы так и тянутся к нему.

– Только горы? – удивился Хеллмен. – Не может такого быть.

– Не может, – согласился Каскер.

И верно, они обнаружили океаны, моря и озера, – но везде из воды торчали иззубренные скалы-острова. Ни единого пятнышка ровной земли, ни намека на цивилизацию или хотя бы существование жизни.

– По крайней мере, тут кислород имеется, – сказал Каскер.

Спиральная траектория уже ввела корабль в атмосферу; он тормозил. Но его экипаж по-прежнему видел только горы, океаны, моря, озера и снова горы.

На восьмом витке Хеллмен успел заметить одинокое сооружение на вершине горы. Каскер затормозил так отчаянно, что корпус вмиг раскалился докрасна. Совершая одиннадцатый виток, они решили садиться.

– Вот же выбрали местечко под застройку, – проворчал Каскер. – Ума палата.

Здание имело форму бублика, и на горной макушке оно сидело вполне удобно. Окаймлявшую его широкую, ровную лужайку Каскер изуродовал огнем при посадке.

Оно и сверху-то выглядело немаленьким, а вблизи оказалось гигантским. Хеллмен и Каскер осторожно приближались к нему. Хеллмен держал на изготовку прожигатель, но, похоже, это была излишняя предосторожность.

– Кажется, планета брошена, – шепотом произнес он.

– Всякий, кто в здравом уме, предпочел бы отсюда убраться, – сказал Каскер. – Когда кругом полно удобных планет, кому охота ютиться на кончике иглы?

Обнаружилась дверь. Хеллмен попробовал отворить – заперто. Он оглянулся на живописный горный пейзаж.

– Я вот что думаю, – заговорил он. – Когда эта планета была еще горячим жидким шаром, на нее, должно быть, воздействовали несколько громадных лун, которые потом раскололись. Внешние и внутренние напряжения изуродовали ее, придали ей шипастую форму, и...

– Уймись, – невежливо перебил его Каскер. – Я и так помню, что ты был библиотекарем, пока не решил разбогатеть на добыче урана.

Хеллмен пожал плечами и выжег в двери дыру. Они подождали.

Ни звука на горной вершине – кроме голодного урчания двух желудков.

Они вошли.

И очутились в огромном помещении клиновидной формы, судя по всему, складском. Всякая всячина уложена штабелями до потолка, разбросана по полу, навалена у стен. Тут и коробки, и ящики, и контейнеры – любых видов и размеров, от крошечных, с наперсток, до способных вместить слона.

Возле двери Хеллмен углядел стопку пыльных книг – и сразу заинтересованно склонился над ними.

– Наверняка где-то тут есть продовольствие. – У Каскера впервые за неделю повеселели глаза, и он занялся ближайшим ящиком.

– Любопытно, – проговорил Хеллмен, отбросивший все книги, кроме одной.

– Сначала – еда. – Каскер сорвал с ящика крышку.

Тот оказался полон коричневатой пыли. Каскер пригляделся, принюхался, скривился.

– И правда, весьма любопытно, – листая страницы, бормотал Хеллмен.

Каскер вскрыл баночку – внутри поблескивала зеленая слизь. Взял другую – тоже слизь, только тускло-оранжевая.

– Гм... – Хеллмен углубился в чтение.

– Эй, партнер! Будь любезен, брось книжонку и помоги в поисках съестного.

– Съестного? – переспросил, подняв взгляд, Хеллмен. – С чего ты взял, что здесь можно найти хоть крошку? Да будет тебе известно, это фабрика красок.

– Это склад! – рявкнул Каскер.

Он вскрыл банку в форме человеческой почки и вынул мягкую фиолетовую палочку. Но не успел даже понюхать, как она затвердела и рассыпалась в пыль. Каскер зачерпнул пригоршню пыли и поднес ко рту.

– А если это чистый стрихнин? – равнодушно спросил Хеллмен.

Каскер тотчас бросил пыль и вытер руки.

– Даже если это склад, – продолжал Хеллмен, – и даже если он продовольственный, мы ведь не знаем, что у обитателей этой планеты считалось съедобным. Может, салат «Парижский зеленый», заправленный серной кислотой?

– Ну допустим, – буркнул Каскер. – Но все равно нам нужна еда. Как быть со всем этим? – Он обвел рукой сотни ящиков, коробок и бочек.

– Первое, что напрашивается, – отрывисто произнес Хеллмен, – это качественный анализ четырех-пяти образцов. Начать можно с простого титрования. Сублимировать главный ингредиент, определить его молекулярный состав...

– Хеллмен, черт бы тебя побрал! Что ты несешь? Забыл, что ты не химик, а библиотекарь? А я заочно учился пилотированию. Где нам разбираться в титровании и сублимировании?

– Я в курсе, – сказал Хеллмен, – но иначе никак. Это единственно верный путь.

– Понятно. Ну а пока сюда не наведается химик, чем мы займемся?

– Надеюсь, она нам поможет, – поднял книгу Хеллмен. – Знаешь, что это?

– Нет, – процедил Каскер, боясь выйти из себя.

– Карманный словарь и самоучитель хельгского языка.

– Хельгского?

– Планета называется Хельг. Буквы совпадают с теми, что на здешней таре.

Каскер недоуменно поднял бровь:

– Хельг? Отродясь не слышал.

– Вряд ли у этой планеты были какие-нибудь контакты с Землей, – предположил Хеллмен. – Это не хельгско-английский словарь, а хельгско-алумбриджийский.

Каскер вспомнил, что планета Алумбриджия – родина мелких предприимчивых рептилоидов и что находится она где-то в центре Галактики.

– Откуда ты знаешь алумбриджийский? – спросил он.

– Видишь ли, библиотекарь не совсем бесполезная профессия, – скромно произнес Хеллмен. – В свободное время...

– Понятно. Так как насчет?..

– Вероятно, алумбриджийцы помогли хельгианам перебраться с этой планеты на более удобную. Они оказывают подобные услуги за деньги. А если я прав, это здание может быть и продовольственным складом.

– Тогда читай надписи, – вяло предложил Каскер. – Может, и найдется что-нибудь питательное.

Они вскрывали ящики, пока не обнаружили довольно аппетитное на вид вещество. Хеллмен с трудом перевел: «Пользуйтесь sniffнерами – самым лучшим абразивом».

– Вряд ли так называли бы еду, – вздохнул Каскер.

– Боюсь, что ты прав.

Надпись на другом ящике гласила: «Вигрум! Наполни им все свои желудки! И наполни их правильно!»

– Эти хельгиане что, животные? – спросил Каскер. – Интересно, как они выглядели.

Хеллмен лишь плечами пожал.

На перевод следующей надписи он потратил четверть часа. «Аргосел сделает тиззи всю вашу тудру. Содержит тридцать арпов рамстатного пульза, для смазки раковины».

– Должна же тут быть хоть какая-то еда, – с ноткой отчаяния проговорил Каскер.

– Надеюсь, – буркнул Хеллмен.

Двухчасовые поиски ничего не дали, хотя были переведены десятки надписей, а веществ перенюхано столько, что органы обоняния с отвращением отказались работать дальше.

– Давай порассуждаем, – предложил Хеллмен, усаживаясь на ящик с маркировкой «Червитиш – так же прелестен, как и звучание этого слова».

– Давай. – Каскер устало вытянулся на полу. – Рассуждай.

– Если поймем, что собой представляли жители этой планеты, то узнаем, чем они питались и годится ли их еда для нас.

– А как поймем? Все, что мы о них знаем, – это что они оставили после себя гору дрянной рекламы.

Хеллмен будто не услышал:

– Планета – сплошные горы. Какое разумное существо могло появиться на подобном ландшафте?

– Дурное, – хмыкнул Каскер.

Хеллмену он этим нисколько не помог. И тот обнаружил, что горы не дают никакой подсказки. Поди угадай, силикатами питались поздние хельгиане или белками. А может, чем-то йодсодержащим?

– Давай-ка применим голую логику... Эй, ты слушаешь?

– Конечно, – ответил Каскер.

– К нашей ситуации идеально подходит пословица: что для одного мясо, то для другого яд.

– Точно, – сказал Каскер, уверенный в том, что его желудок скукожился в горошину.

– Можно допустить: что для них мясо, то и для нас мясо.

Тотчас у Каскера перед мысленным взором соблазнительно заплесал пяток сочных жареных бифштексов, и он с неимоверным трудом избавился от этой картинки.

– А ежели их мясо – отрава для нас? Что тогда?

– Тогда второе допущение, – ответил Хеллмен. – Что для них яд, то для нас мясо.

– Ну а если их мясо и их яд и для нас яд?

– Тогда мы умрем от голода.

– Ладно, – сказал, вставая, Каскер. – С какого допущения начнем?

– Нет смысла искать неприятностей. Мы на кислородной планете, а это кое-что да значит. Давай предположим, что здешние основные продукты питания годятся и для нас. Вот когда убедимся, что это не так, – примемся за яды.

– Если доживем, – буркнул Каскер.

Хеллмен снова взялся переводить обозначения на таре. Партнеров не привлекли такие заманчивые слоганы, как «Андрогинит! Не пройди мимо!» и «Вербелл – для роста, закручивания и чувствительности усиков». Но вот подвернулась серая коробка, примерно шесть на три на три дюйма, а называлось ее содержимое «Валкорин – абсолютно на любой вкус и на любую пищеварительную систему».

– На вид вроде не хуже, чем все прочее, – заключил Хеллмен и вскрыл коробку.

Каскер наклонился и понюхал:

– Не пахнет.

В коробке лежал эластичный красный кирпич. И подрагивал на манер студня.

– Кусни-ка, – сказал Каскер.

– Я? – спросил Хеллмен. – А почему не ты?

– Твой же выбор.

– Предпочел бы посмотреть со стороны, – с достоинством возразил Хеллмен. – Я не слишком проголодался.

– Я тоже.

Они сидели на полу и разглядывали студнеподобную массу. Через десять минут Хеллмен зевнул, поудобнее прислонился к ящику и закрыл глаза.

– Ладно, трусливая твоя душа, – с горечью произнес Каскер, – я попробую. Но только учти: если отравлюсь, тебе с этой планеты не выбраться. Ты-то на пилота не учился.

– Съешь совсем чуть-чуть, – посоветовал Хеллмен.

Каскер наклонился и вперился взглядом в кирпич. Потыкал большим пальцем.

Упругий красный параллелепипед хихикнул.

Каскер взвизгнул и отпрянул.

– Ты слышал?

– Ничего я не слышал. – У Хеллмена затряслись руки. – Пробуй.

Каскер снова ткнул пальцем в кирпич. Тот хихикнул громче, на сей раз с неприятным жеманством.

– Понятно, – сказал Каскер. – Что дальше?

– В каком смысле – что дальше? А с этим что не так?

– Я не ем того, что хихикает, – решительно заявил Каскер.

– Послушай-ка меня, – сказал Хеллмен. – Возможно, существам, которые это произвели, хотелось эстетичного звучания, а не только приятных формы и цвета. Почему бы не допустить, что хихиканье предназначено для развлечения едока?

– Вот сам и отведай, – предложил Каскер.

Хеллмен недобро посмотрел на партнера, а к железному кирпичу не прикоснулся. После долгой паузы он сказал:

– Ладно, ну его к черту.

Они задохнулись кирпич в угол. Там он и лежал, тихо посмеиваясь.

– Что дальше? – спросил Каскер.

Хеллмен прошелся взглядом по штабелям и грудам таинственных неземных припасов. И заметил двери в обеих длинных стенах.

– Давай посмотрим, что в других секциях, – предложил он.

Каскер апатично пожал плечами.

Они поплелись к левой стене. Дверь оказалась заперта, но эту задачку Хеллмен решил с помощью корабельного прожигателя.

Соседнее помещение также имело клиновидную форму, и в ней тоже хранилась местная продукция.

Путешествие к двери в правой стене показалось длиной в милю, но партнеры лишь слегка запыхались. Хеллмен выжег замок, и они заглянули внутрь.

– То же самое, – с горечью заключил Каскер и затворил дверь.

– Здание круглое – наверное, состоит из таких секций, – предположил Хеллмен. – И вряд ли нам хватит сил проверить их все.

Каскер прикинул диаметр здания, отнял от него пройденный путь и тяжело опустился на длинный серый предмет.

– Стоит ли пытаться? – спросил он.

Хеллмен попробовал собраться с мыслями. Необходимо найти какую-нибудь подсказку, ключ к решению проблемы. Но где он может прятаться, этот ключ?

Он взглянул на предмет, выбранный Каскером на роль скамьи. По форме и размерам ни дать ни взять большой гроб, с незначительным углублением наверху. Материал, из которого он сделан, тверд, но тронут коррозией.

– Как думаешь, что это за штука? – спросил Хеллмен.

– Да какая разница?

Хеллмен запомнил знаки на боку «гроба», потом заглянул в словарь.

– Любопытно, – пробормотал он минуту спустя.

– Что-то съедобное? – У Каскера в душе забрезжила надежда.

– Нет. То, на чем ты сидишь, называется морогским суперподъемником, изготовленным на заказ для некоего разборчивого хельгианина, пожелавшего иметь лучшее транспортное средство для вертикальных перемещений. Это машина!

– А-а... – уныло протянул Каскер.

– Это важно! Взгляни на нее! Интересно, как она работает?

Каскер неохотно слез с морогского суперподъемника и подверг его тщательному осмотру. И с трудом обнаружил на углах четыре отделяющиеся части.

– Похоже на убирающееся шасси, но непонятно, как...

– Тут написано: заправьте его тремя амфусами высокопродуктивного ингеторского топлива, добавьте один ван тондерской смазки масла и первые пятьдесят мунгусов не гоняйте на скоростях свыше тысячи рулов.

– Давай еды поищем, а? – взмолился Каскер.

– Ну как же ты не понимаешь, что это крайне важно! – вспыхнул Хеллмен. – Возможно, решит нашу проблему. Если сумеем понять, на какой логике основана конструкция этого устройства, то поймем и образ мышления хельгиан. Что, в свою очередь, позволит разгадать их нервную систему, откуда только шаг до биохимической организации.

Каскер замер и прислушался к ощущениям: хватит ли у него сил, чтобы прикончить Хеллмена?

– Вот скажи, – продолжал тот, – какого рода транспортное средство применимо в здешних краях? Колесное? Нет, колесам нужны горизонтальные поверхности. Антигравитация? Возможно, но какого именно типа? И почему эта штука имеет форму ящика, ведь куда удобнее было бы...

Каскер с тоской понял, что сил у него слишком мало. А жаль – с каким удовольствием он бы сейчас придушил этого болтуна!

– Сделай милость, – проговорил он со всем спокойствием, на какое был способен, – прекрати корчить из себя ученого. Давай просто поищем то, что можно закинуть в брюхо.

– Как скажешь, – мрачно отозвался Хеллмен.

Каскер смотрел, как его партнер бродит среди банок, бутылок и ящичков. И вяло гадал, откуда у Хеллмена столько энергии. В конце концов решил: он же вечно мудрствует – когда ему прислушиваться к жалобам желудка?

– А вот это уже интересно, – заявил вдруг Хеллмен, стоя перед большой желтой бочкой.

– Что там написано? – спросил Каскер.

– Перевести трудновато, но если приблизительно... «Моришиллево вузи с добавлением лакто-экто для новых вкусовых ощущений. Все пьют вузи! И до еды, и после – одинаково вкусно и полезно! Никаких неприятных последствий. Годится и для детей! Лучший напиток во Вселенной!»

– Заманчиво звучит, – признал Каскер, допуская, что Хеллмен не такой уж и безнадежный дурак.

– Это позволит нам раз и навсегда выяснить, является ли их мясо и нашим мясом, – сказал партнер. – Похоже, вузи – самый универсальный напиток из всех, о которых я читал или слышал.

– А может, – с надеждой проговорил Каскер, – это просто вода?

– Посмотрим. – И Хеллмен сорвал крышку, вместо рычага использовав прожигатель.

В бочке оказалась хрустальной чистоты жидкость.

– Ни малейшего запаха? – сделал вывод склонившийся над ней Каскер.

Хрустальной чистоты жидкость вздыбилась.

Каскер отступил так поспешно, что запнулся о ящик и упал. Хеллмен помог ему встать, и они снова приблизились к бочке. Тотчас жидкость поднялась на три фута и двинулась навстречу.

– Что теперь делать? – спросил, осторожно пятясь, Каскер.

Жидкость медленно перелилась через край бочки и потекла к нему.

– Хеллмен! – взвизгнул Каскер.

Партнер стоял возле бочки, вперившись в словарь. По хмурому сосредоточенному лицу сбегали струйки пота.

– Кажется, я неправильно перевел, – сообщил он.

– Сделай же что-нибудь! – заорал Каскер, которого жидкость пыталась загнать в угол.

– Что я могу? – буркнул Хеллмен, не отрываясь от чтения. – Ага, вот она, ошибка! Я принял объект за субъект. Не «Все пьют Вузи!», а «Вузи пьет всех». И это уже кое-что! Вероятно, хельгиане впитывали жидкость через поры. Если так, то вполне естественно, что они предпочитали не пить, а быть выпитыми.

Каскер уворачивался от жидкости, но та, весело журча, отрезала ему все пути. В отчаянии он схватил небольшой ящик и швырнул в вузи. Вузи поймал ящик и «выпил». Но уже в следующий миг исторг его и снова устремился к Каскеру.

Хеллмен тоже бросил ящик. Вузи попробовал и его, и третий, и четвертый, которые метал Каскер. Но наконец, явно выдохшись, потек обратно в свою бочку.

Каскер захлопнул крышку и уселся сверху. Его била неистовая дрожь.

– Это плохая новость, – заключил Хеллмен. – Мы считали само собой разумеющимся, что пищевые предпочтения у хельгиан близки к нашим. Но, естественно, у нас не было никаких оснований...

– Не было оснований! Верно, сэр, их не было, никаких! Я полагаю, мы теперь убедились, что их не было! Да и с чего бы нам считать иначе, сэр?..

– Прекрати! – жестко приказал Хеллмен. – Сейчас не до истерик.

– Ну, извини. – Каскер медленно отошел от бочки с вузи.

– Похоже, мы убедились, что их мясо – яд для нас, – задумчиво проговорил Хеллмен. – Теперь надо выяснить, является ли их яд мясом для нас.

Каскер промолчал. Он пытался представить, что случилось бы с ним, если бы его выпил вузи.

А в уголке по-прежнему хихикал эластичный кирпич.

– Вот это на вид сушая отравка, – спустя полчаса произнес Хеллмен.

Каскер успел прийти в себя, разве что губы еще судорожно подергивались.

– А что там написано?

Хеллмен покатал на ладони крошечный флакон.

– Называется «пвасткинская шпаклевка». Есть предупреждение: «Внимание! Будьте предельно осторожны! Пвасткинская шпаклевка предназначена для заполнения круглых и продолговатых отверстий объемом не более двух кубических вимов. Категорически нельзя употреблять в пищу! Действующее вещество рамотол, благодаря которому шпаклевка обладает такими замечательными свойствами, чрезвычайно опасно при попадании внутрь организма».

– Ну до чего же заманчиво, – хмыкнул Каскер. – Съедем – и раздуемся до небес, да?

– Может, у тебя имеются другие предложения? – спросил Хеллмен.

Каскер задумался. Теперь уже нет сомнений, что съедобное для хельгиан несъедобно для людей. Что же до несъедобного... И разве не стоит рискнуть, если альтернатива – голодная смерть?

Он посоветовался с желудком и решил: стоит.

– Валяй, – сказал Каскер.

Хеллмен взял прожигатель под мышку и свинтил с пузырька пробку. Перевернул. Потряс. Ничего не произошло.

– Предохранительная пленка, – указал Каскер.

Хеллмен проколол пленку ногтем и поставил флакон на пол. Из горлышка полезла зловонная зеленая пена.

Хеллмен смотрел на нее с сомнением. Она образовала над горлышком шар и свалилась на пол.

– Дрожжи, что ли? – Он взял на изготовку прожигатель.

– Ну давай же, смелее, – сказал Каскер. – Робкое сердце – не друг пустому желудку.

– Может, сам попробуешь? Я удерживать не стану.

Шар все разбухал, он уже был величиной с человеческую голову.

– И сколько еще это будет продолжаться? – спросил Каскер.

– Реклама утверждает, что это заполнитель, – ответил Хеллмен. – Очевидно, он занят своим делом – заполняет объем.

– Это понятно. Но какой объем?

– К сожалению, я не могу пересчитать два кубических вима на нашу меру. Но вряд ли его хватит надолго...

Тут они спохватились, что шпаклевка заняла уже почти четверть помещения и останавливаться явно не собирается.

– Надо было сразу поверить надписи! – прокричал Хеллмену партнер с той стороны распухающей глыбы. – Сказано же: опасно!

Шпаклевка, почувствовав свободу, ускорила свой рост. Вот она коснулась липким краем Хеллмена, и тот отскочил.

– Берегись!

Хеллмен уже не видел Каскера за гигантским комом пены. Попытался обежать, но шпаклевка опередила, разделив помещение надвое. Обнаружив, что масса уже движется к стенам, Хеллмен повернулся и кинулся к двери.

– Убегай! – прокричал он партнеру.

Хеллмен распахнул дверь, опередив шпаклевку на считанные дюймы.

Он услышал, как лязгнула дверь в противоположной стене. Больше не ждал – юркнул в соседнее помещение и запер дверь за собой.

Постоял несколько секунд, переводя дух. Прожигатель в руках казался невероятно тяжелым – Хеллмен был на грани обморока, побег отнял последние крохи сил. Хорошо хоть, что Каскер тоже успел выскочить...

Но угроза еще не миновала.

Шпаклевка весело лилась из отверстия в двери, где прежде был замок. Хеллмен выстрелил на пробу, а зеленоватой массе хоть бы что... Впрочем, разве не таким должен быть качественный заполнитель?

И совсем не похоже, что он скоро выдохнется.

Хеллмен поспешил к противоположной стене. Дверь, как и все предыдущие, оказалась на запоре; пришлось и в ней сжечь замок.

Долго ли еще будет расширяться шпаклевка? Эх, знать бы, сколько это – два кубических вима. Что, если две кубические мили? Он где-то читал, что такими заполнителями лечат трещины в планетной коре.

В следующем помещении Хеллмен позволил себе передышку. Он помнил, что здание имеет форму диска. Значит, можно прожечь себе путь через оставшиеся двери и встретиться с Каскером. Вместе они пробьются наружу и...

Но у Каскера нет прожигателя!

От этой мысли Хеллмен побледнел. Каскеру удалось проскочить в помещение справа, потому что партнеры побывали там раньше. И конечно же, пена просачивается туда через проделанное человеком отверстие. Каскеру не выбраться! Слева – заполнитель, справа – запертая дверь!

Собравшись с последними крохами сил, Хеллмен побежал. Ящики будто нарочно загораживали ему дорогу, попадались под ноги, замедляли движение. Он продырявил дверь и устремился к следующей. Справился с ней – и побежал дальше... Масса не успеет целиком заполнить помещение, в котором находится Каскер!

Или успеет?

Казалось, не будет им конца, этим секциям с запертыми дверями, с горами неземной продукции... Хеллмен налетел на ящик, свалился, поднялся и снова упал. Он истратил последние силы, но не сдался. Ведь Каскер – его друг.

К тому же без пилота отсюда не выбраться.

На дрожащих от слабости ногах Хеллмен пробрался еще через два помещения. И рухнул перед дверью в третье.

– Хеллмен, это ты? – проник через дверь голос Каскера.

– Ты как, жив? – с трудом прохрипел Хеллмен.

– Тут стало тесновато, – сообщил Каскер, – но шпаклевка больше не растет. Хеллмен, вытащи меня!

Хеллмен лежал на полу и судорожно хватал ртом воздух.

– Минуточку, – прохрипел он.

– Минуточку?! – завопил Каскер. – Какого черта! Выручай! Я нашел воду!

– Воду? Как? Где?

– Вытащи меня отсюда!

Хеллмен попытался встать – и обнаружил, что ноги категорически против.

– Что случилось? – спросил он.

– Когда я понял, что пена скоро заполнит все помещение, мне пришло в голову забраться в супертранспорт. Может, получится вышибить им дверь. И я заправил его до отказа высокоэффективным топливом «Интегор».

– И что дальше? – спросил Хеллмен, силясь вернуть контроль над ногами.

– Хеллмен, этот супертранспорт – животное! А топливо «Интегор» – вода! Да выпусти же меня наконец!

Со вздохом несказанного облегчения Хеллмен привалился спиной к стене. Если бы хватило времени, он бы и сам разобрался с помощью голой логики. Но теперь все стало предельно ясно. Попробовал бы он вообразить самое эффективное средство для перемещения по этим вертикальным и острым как иглы горам, и что первым делом пришло бы в голову? Конечно, животное, очень цепкое, возможно, с убираемыми присосками. Это существо держат в анабиозе, а когда нужно путешествовать, ему дают воды. Что до корма, то и он должен годиться для человека. И пусть Хеллмену с Каскером почти ничего не известно о жителях планеты, уже нет никаких сомнений в том...

– Прогни дверь! – сорвался на визг Каскер.

А Хеллмен размышлял над иронией ситуации. Что делать, если чье-то мясо и яд – для тебя только яд? Конечно, искать мясо и яд кого-нибудь другого...

Вот как просто, оказывается.

– А с чего ты взял, что это животное вроде наших, земных? – спросил он.

– Оно дышит, болван ты этакий! И воняет так, будто луку нажралось!

За стеной загремели падающие банки, зазвенели разбивающиеся бутылки.

– Да скорей же!

– Что там у тебя? – Хеллмену удалось наконец встать, и он направил прожигатель на дверь.

– Супертранспорт! Загнал меня в щель между штабелями. Хеллмен, похоже, он решил, что я для него мясо!

Но спасибо прожигателю – мясом стал супертранспорт. Хорошей прожарки – для Хеллмена, с кровью – для Каскера. И его как разхватило на обратную дорогу до Калао.

Специалист

Фотонный шторм обрушился на Корабль внезапно, налетев из-за скопления гигантских красных звезд. Наблюдатель едва успел в последнюю секунду оповестить экипаж через Толкователя.

У Толкователя это было третье путешествие в дальнем космосе и первый фотонный шторм. Он пережил миг паники, когда Корабль, повстречавшись с волновым фронтом, сотрясся от носа до кормы и зарыскал. Но страх тотчас же исчез, сменившись мощным восторгом.

«Да и чего бояться? – спросил себя Толкователь. – Разве меня не готовили как раз к таким чрезвычайным ситуациям?»

Проводящие нити, из которых почти целиком состояло его тело, добирались до самых дальних уголков Корабля. Толкователь поспешил втянуть свои щупальца, сохранив связь с Наблюдателем, Двигателем и Панелями. Сейчас все зависит только от них. Остальной Экипаж должен сам о себе заботиться, пока не минует шторм.

Наблюдатель прилепился дисковидным телом к Панели и высунул из Корабля наружу зрительный орган. А чтобы лучше сосредоточиться, все остальные глаза уменьшил – они превратились в россыпь бугорков на туловище.

Через Наблюдателя Толкователь следил за бурей, переводил поступающую визуальную информацию в команды для Двигателя, и тот разворачивал Корабль, ослабляя удары волн по нему. Почти синхронно Толкователь приказывал Панелям, отвердевшим для сопротивления фотонным атакам, усиливать жесткость до максимальной.

Управление работало безупречно: Наблюдатель определял силу очередной волны, Толкователь быстро и уверенно сообщался с Двигателем и Панелями, Двигатель ориентировал Корабль поперек волнового фронта, Панели напрягались и гасили энергию удара.

В этой спорой и слаженной командной работе Толкователь забыл все свои страхи. Ему просто некогда было думать. Коммуникационная система Корабля должна со всей возможной быстротой обрабатывать поступающую информацию и отправлять распоряжения, координируя анализ обстановки и действия Экипажа.

Через несколько минут шторм прекратился.

– Вот и все, – сказал Толкователь. – Давайте-ка оценим ущерб.

В болтанке перепутались нити, но Толкователь быстро их расплел и распределил по всему Кораблю, подключив каждого члена Экипажа к сети.

– Двигатель?

– Порядок, – ответил Двигатель.

С началом шторма старый великан охладил свои пластины, ослабил атомные взрывы у себя в чреве. Этого матерого космического волка никакая передряга не застигнет врасплох.

– Панели?

Панели доложились по порядку номеров, и на это ушло немало времени. Их ведь была без малого тысяча, этих тонких прямоугольников, вместе составлявших корпус. Они, конечно же, еще прочнее сцепились кромками в начале шторма, повысив живучесть Корабля, но паратройка из них получила серьезные вмятины.

Врачеватель сообщил, что у него все хорошо. Он удалил из головы нить Толкователя, тем самым прекратив связь, и занялся пострадавшими Панелями. Состоявший в основном из рук, Врачеватель во время шторма держался за Накопитель.

– Давайте немного ускоримся, – предложил Толкователь, вспомнив, что необходимо выяснить, куда занесло корабль.

Он вызвал по сети четыре Накопителя.

– Вы как? – спросил Толкователь.

Ответа не последовало – Накопители спали. Для них фотонный шторм – повод раскрыть рецепторы и накачаться энергией под завязку. Толкователь потерял их своими нитями, но расшевелить не сумел.

– Дай-ка я попробую, – вызвался Питатель.

Он получил хорошую трепку, прежде чем закрепился присосками на Панели, но самоуверенности у него ничуть не ubyло. В Экипаже только Питатель не нуждался в услугах Врачевателя, поскольку его организм прекрасно самовосстанавливался.

Орудия дюжиной полых щупальцев, он дополз по палубе до ближайшего Накопителя и отвесил ему затрещину. Большое коническое хранилище открыло один глаз и сразу закрыло. Питатель снова хорошенько врезал – безрезультатно. Он дотянулся до предохранительного клапана и сбросил немного энергии.

– Не балуй, – буркнул Накопитель.

– Проснитесь и доложите, – потребовал Толкователь.

Накопители раздраженно сообщили, что они целы и невредимы, и в этом любой болван мог бы убедиться самостоятельно. Шторм они переждали, надежно заякорившись на палубе.

Дальше проверка шла быстро. Думатель жив-здоров, Наблюдатель с восторгом вспоминает красоты шторма.

Но без потери – хоть и одной-единственной – все же не обошлось.

Погиб Ускоритель. Будучи двуногим, он не обладал устойчивостью остальных членов Экипажа. Бедняга находился посреди палубы, когда Корабль тряхнуло, и обрушился на затвердевшую Панель, и сломал себе несколько важных костей. Врачеватель не смог его починить, как ни старался.

Какое-то время Экипаж безмолвствовал. Ведь Корабль, по сути, единый организм, Корабль – это и есть Экипаж. Потеря любого из его членов ослабляет остальных. А нынешняя ситуация – хуже не придумаешь. Корабль недавно разгрузился в порту, расположенном в нескольких тысячах световых лет от центра Галактики. И куда его зашвырнул шторм, поди угадай.

Наблюдатель подполз к Панели, та проделала в себе дырку, чтобы выпустить наружу глаз на стебельке, и сразу затянулась вокруг него. Глаз выдвинулся из корпуса достаточно, чтобы увидеть всю звездную сферу. Изображение отправилось к Толкователю, а тот переслал ее Думателю.

Думатель – огромный бесформенный ком протоплазмы – лежал в углу своего отсека. Он хранил всю память, что накопили его предки, космические скитальцы. Думатель проанализировал картину, сравнил ее с другими, содержащимися в его ячейках, и сделал вывод:

– В пределах досягаемости нет ни одной галактической планеты.

Толкователь машинально перевел ответ и передал остальным. Случилось именно то, чего все боялись.

С помощью Думателя Наблюдатель произвел расчеты. Выяснилось, что Корабль сильно сбился с курса и оказался на периферии Галактики.

Каждый член Экипажа прекрасно понимал, что это значит. Без Ускорителя, способного разогнать Корабль до скорости во много раз выше световой, им нипочем не вернуться в родные края. На такое путешествие большинству из них просто не хватит жизни.

– Что предлагаешь? – спросил Толкователь у Думателя.

Это был слишком общий вопрос для мыслящего буквально существа. Думатель попросил переформулировать.

– Какие действия мы должны совершить, – сказал Толкователь, – чтобы добраться до галактической планеты?

Думатель молчал несколько минут, перебирая хранившиеся в его ячейках возможности. А тем временем Врачеватель выправил Панели и изъявил желание подкрепиться.

– Подожди, скоро все поедем, – сказал ему Думатель.

В Экипаже он был одним из самых молодых, старше только Питателя, однако выполнял работу исключительной важности. А тут еще эта чрезвычайная ситуация, и он должен координировать поступающие сведения и предпринимаемые действия.

Одна из Панелей заявила, что самое время хорошенько напиться. Но столь безрассудная идея тотчас же была отвергнута. Конечно, никого она не удивила: Панели – добросовестные трудяги и душевные товарищи, но легкомыслие в них бьет через край. Когда вернутся на родные планеты, наверняка ударятся в загул и живо прокутят заработок.

– Без Ускорителя Корабль не может долго идти на сверхсветовых скоростях, – вдруг заговорил Думатель. – До ближайшей галактической планеты отсюда четыреста пять световых лет.

Толкователь немедленно отправил по своему разветвленному телу волновой пакет.

– Есть два варианта. Первый: можно идти к ближайшей галактической планете на атомной тяге Двигателя. Это займет приблизительно двести лет. Вероятно, Двигатель продержится до конца пути, но никто, кроме него, не доживет. Второй: разыскать в этой области космоса первобытную планету, на которой обитают латентные Ускорители. Одного взять на борт и обучить. И пусть он ускорит Корабль, чтобы мы могли вернуться в Галактику.

Думатель умолк, и это означало, что никаких других возможностей спасения память его предков не предложила.

После короткого совещания все проголосовали за второй вариант. Который, в сущности, был единственным – только он и давал надежду на возвращение.

– Ну а теперь давайте поедем, – сказал Думатель. – Считаю, мы это заслужили.

Тело Ускорителя отправилось к Двигателю в брюхо, и там атомы моментально расщепились, превратившись в энергию.

В Экипаже ее – в чистом виде – употреблял только Двигатель. Об остальных позаботился Питатель, зарядившись от ближайшего Накопителя и производя для каждого члена Экипажа пригодную пищу. В теле Питателя постоянно менялась химия, с легкостью приспосабливаясь к самым разным потребностям и вкусам.

Фотосинтезирующему организму Наблюдателя требовался сложный хлорофилловый комплекс. Обеспечив его нужным количеством, Питатель занялся углеводородами для Толкователя, затем соединениями хлора для Панелей. Под конец синтезировал фрукт на кремниевой основе, точь-в-точь как те, что росли на родной планете Врачевателя.

Но вот и конец трапезе; Корабль снова в порядке. Накопители собрались в любимом углу штабелем и уснули сладким сном. Наблюдатель как можно дальше выдвинул свои глаза и настроил главный на телескопический обзор. Даже в такой сложной ситуации он не мог удержаться от стихотворства. Заявил, что трудится над эпической поэмой и уже знает, как ее назовет: «Периферийное свечение». Никто не согласился послушать готовые строфы, так что пришлось скормить их Думателю. Тот принимал на хранение все без разбора: умное и глупое, талантливое и бездарное.

Двигатель не спал никогда. Заправленный под завязку энергией Ускорителя, он разогнал Корабль до скорости в несколько раз выше световой.

Панели с жаром выясняли, кто из них в прошлый раз пуще всех напился в порту.

Толкователь решил, что пора устроиться поудобнее. Он прицепился к Панелям и повис в воздухе: крошечное круглое тельце в сложной паутине нервов.

Мысли об Ускорителе бередили его душу. Вот же странно: все с ним дружили, а теперь он забыт. Но дело тут вовсе не в равнодушии. Просто Корабль – единое целое. Конечно, жалко терять члена Экипажа, но важнее всего, чтобы Корабль летел дальше.

Корабль мчался сквозь россыпь периферийных солнц.

Думатель проложил спиральный маршрут поиска, рассчитал вероятность обнаружения планеты Ускорителей. Шансы приличные: четыре к одному.

Через неделю встретился мир с первобытными Панелями. С малой высоты было видно, как кожистые прямоугольные весельчаки блаженствуют в солнечных лучах, ползают по скалам, растягиваются в тонкую пленку, чтобы парить в воздушных потоках.

Корабельные Панели, все до одной, ностальгически вздохнули. До чего похоже на родину!

Панели, что на планете, даже не подозревали пока о своем гордом предназначении – участвовать в великом Галактическом Сотрудничестве.

На этом спиральном курсе хватало и умерших миров, и слишком юных, чтобы зародить жизнь. Встретилась даже планета Толкователей, распространивших свои коммуникационные паутины на половину континента.

Когда Толкователь жадно рассматривал их через Наблюдателя, в нем поднялась волна жалости к себе. Вспомнился дом, семья, друзья. Дерево, которое он надеялся купить, когда вернется.

На минуту Толкователь даже задумался, а чем это он тут занимается? Как его угораздило стать частью Корабля и залететь в самый далекий угол Галактики?

Он стряхнул тоску. Есть важная задача: найти планету Ускорителей. И рано или поздно она обязательно найдется.

По крайней мере, ему хотелось в это верить.

Кораблю, пробиравшемуся через неисследованную периферию, встретилась длинная вереница засушливых планет. А потом – мир, густо населенный примитивными Двигателями, плававшими в радиоактивном океане.

– Это богатая область, – сказал Питатель Толкователю. – Галактическому Сотрудничеству не мешало бы отправить сюда экспедицию по контактам.

– Наверное, так и будет, когда мы вернемся.

Дружба этих двоих была даже крепче уз, что объединяли Экипаж. Не только потому, что на Корабле они были самыми младшими, хотя и это обстоятельство играло роль. У них были смежные функции, что способствовало сближению. Толкователь превращал информацию в речь, а Питатель – материю в пищу. Они даже выглядели кое в чем похоже. Толкователь – ядро с расходящимися от него проводами, Питатель – ядро с расходящимися от него шлангами.

Толкователь считал, что на Корабле Питатель – второй по осведомленности. На первом месте – сам Толкователь, но и он до сих пор не разобрался, как протекают мыслительные процессы у некоторых товарищей по Экипажу.

Все новые солнца, все новые планеты. Двигатель жаловался на перегрев. Обычно его использовали при старте и посадке, да еще в планетных системах ради точного маневрирования. Но вот уже которую неделю он трудится без перерыва, то развивая сверхсветовую скорость, то замедляя Корабль до орбитальной. Такая работа кого угодно выжмет досуха.

С помощью Врачевателя Питатель смастерил для него систему охлаждения. Неказистая вышла снасть, зато полезная. Питатель перегруппировал атомы азота, кислорода и водорода – получился неплохой хладоагент. Врачеватель прописал Двигателю длительный отдых. Сказал, что на такой каторге доблестный старый трудяга протянет максимум неделю.

Поиски продолжались, и Экипаж постепенно впадал в уныние. Всем известно, что в Галактике Ускорители встречаются редко – куда им до плодovitых Панелей и Двигателей!

Из-за межзвездной пыли Панели покрылись оспинами. Они ныли и брюзжали – дескать, по возвращении необходимо будет пройти полный курс лечения в клинике красоты. Толкователь клятвенно пообещал им, что фирма все оплатит.

Даже у Наблюдателя возникла проблема – его глаза так долго таращились в космос, что налились кровью.

Корабль приблизился к очередной планете. Получив ее характеристики, Думатель поразмыслил и решил, что надо бы войти в атмосферу.

С малой дистанции Наблюдатель различил силуэты.

Ускорители! Ускорители! Ускорители!

Корабль вынырнул из атмосферы, чтобы продумать дальнейшие действия. А заодно отпраздновать успех, и с этой целью Питатель произвел двадцать три вида горячительного.

– Все готовы? – не слишком внятно спросил Толкователь.

Его пекло похмелье, добравшееся аж до нервных окончаний. Сколько же он выпил? Смутно помнилось, как обнимался с Двигателем, уговаривал уйти на покой вместе и поселиться на одном дереве.

Сейчас от этой мысли его передернуло.

Остальной Экипаж тоже пребывал не в лучшей форме. Панели допустили утечку воздуха – во хмелю они криво соединялись краями. Врачеватель вообще отключился.

Но тяжелее всего пришлось Питателю. Для него годилось любое топливо, кроме атомного, поэтому он отведал каждого пойла, будь то нестабильный йод, чистый кислород или концентрированный сложный эфир. Теперь жалко было на него смотреть: щупальца, прежде здорового голубоватого оттенка, сплошь в оранжевых потеках. Организм напрягал все силы, очищаясь от ядов, и Питатель жестоко страдал от диареи.

Из всего Экипажа трезвыми остались только Думатель и Двигатель. Думатель вообще не употреблял опьяняющих средств – редкое качество для космоплавателя, но типичное для этой расы, – а Двигателю было не до попок.

И теперь все, кто был в состоянии, слушали излагаемые Думателем потрясающие факты. На сделанных Наблюдателем снимках поверхности планеты Думатель обнаружил металлические конструкции и пришел к тревожащему выводу: Ускорители создали механическую цивилизацию.

– Этого не может быть, – чопорно заявили три Панели, и остальные члены Экипажа были склонны согласиться с ними.

Весь обнаруженный на планете металл либо был зарыт в землю, либо валялся на поверхности бесполезными окисляющимися кусками.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что они делают из металла вещи? – спросил Толкователь. – Просто из мертвого металла? Но на что он годится?

– Да ни на что, – уверенно ответил Питатель. – Изделие из металла быстро придет в негодность. Ведь он даже не чувствует, как слабеет.

Но Наблюдатель, похоже, догадался правильно. Он увеличил изображения, и все увидели, что Ускорители понаделали себе огромных укрытий, транспортных средств и других вещей из неодушевленной материи.

Это было крайне странно, и едва ли это был добрый знак. Но все же главное сделано – найдена планета Ускорителей. Осталась довольно легкая задача: завербовать кого-нибудь из туземцев. Вряд ли он станет упираться. Ускорители знают, что Сотрудничество – основа галактической цивилизации, в которую вовлечены даже самые примитивные культуры.

Было решено совершить посадку в населенной местности. Конечно же, на теплый прием рассчитывать не приходилось, но ведь это нельзя считать полноценным контактом с самосто-

ятельной космической расой – такими делами занимается специальная экспедиция. Кораблю нужна одна-единственная особь.

Поэтому был выбран малонаселенный континентальный массив, и Корабль приземлился, когда на этой половине планеты царила ночь.

Обнаружить одинокого Ускорителя удалось почти сразу же.

Наблюдатель приспособил органы зрения к темноте, чтобы следить за действиями Ускорителя. Через некоторое время тот улегся у маленького огня. Думатель сообщил, что такой способ отдыха – широко известный обычай Ускорителей.

Перед самым рассветом Панели раздались, и Питатель, Толкователь и Врачеватель выбрались наружу.

Питатель метнулся вперед и похлопал существо по плечу. А в следующий миг и Толкователь дотянулся коммуникативной нитью.

Ускоритель открыл зрительные органы, заморгал ими, а затем исторг мощную звуковую вибрацию из отверстия для приема пищи. После чего взвился на ноги и пустился наутек.

Трое членов Экипажа застыли в полнейшей растерянности. Этот Ускоритель даже не поинтересовался, чего от него хотят!

Толкователь поспешил выбросить нить на пятьдесят футов и поймал Ускорителя за конечность. Тот упал.

– Помягче с ним, – сказал Питатель. – Возможно, его напугала наша внешность.

У него даже щупальца спазматически сократились при мысли, что Ускоритель, это самое диковинное существо в Галактике, с его многочисленными органами, может устраситься чьего-то облика.

Питатель и Врачеватель поспешили к лежащему Ускорителю, подхватили его и перенесли на Корабль.

Панели вновь сомкнулись. Ловцы сняли с добычи путы. Пришло время поговорить.

Ощувив свободу, Ускоритель вскочил на нижние конечности и ринулся к тому месту, где только что было отверстие. И отчаянно забился в борт, одновременно вибрируя органом для приема пищи.

– Прекрати, – сказала ему Панель.

Она вспучилась, и Ускоритель кубарем покатился по полу. Но тотчас снова вскочил и побежал обратно.

– Остановите его, – потребовал Толкователь. – А то еще повредит себе что-нибудь.

Наименее сонный Накопитель выкатился и загородил Ускорителю дорогу. Тот свалился, но опять встал и побежал, теперь уже вдоль Корабля.

В носовой части у Толкователя тоже были нити, и он поймал Ускорителя. Пленник принялся их яростно рвать, и Толкователь поспешил его отпустить.

– Подключи его к нашей связи! – прокричал Питатель. – Может, получится урезонить.

Толкователь протянул нить к голове Ускорителя и помахал ею в общепринятом жесте предложения контакта. Но Ускоритель отпрянул, явно намереваясь и дальше вести себя крайне нелепо. В руке у него появился кусок металла, которым он энергично замахал.

– Интересно, что он хочет сделать этой штукой? – спросил Питатель.

Ускоритель кинулся в атаку на борт Корабля, заколотил металлом в одну из Панелей. Та инстинктивно напряглась, и оружие туземца сломалось.

– Давайте оставим его в одиночестве, – предложил Толкователь. – Пусть успокоится.

Толкователь советовался с Думателем, но им так и не удалось найти подход к Ускорителю. Любые попытки контакта тот отвергал. Каждый раз, когда Толкователь протягивал нить, Ускоритель демонстрировал признаки дикой паники. Ситуация казалась безвыходной.

На предложение взять на этой планете другого Ускорителя Думатель наложил вето. Он считал поведение имеющегося туземца типичным – а следовательно, поимка еще одного Ускорителя ничего не даст. Да и нет у Экипажа права вступить в контакт с планетарной цивилизацией, для этого существует специальное учреждение.

Если не удастся найти общий язык с имеющимся Ускорителем, придется лететь дальше, на поиски другой планеты.

– Кажется, я понял, в чем проблема, – сказал Наблюдатель и взобрался на Накопителя, чтобы выступить перед Экипажем. – Здесьние Ускорители создали у себя механическую культуру. Давайте прикинем, что им для этого потребовалось. Они развили себе пальцы, как у расы Врачевателей, только сделано это было не в медицинских целях, а для работы с металлом. Они приспособили для разных задач зрительные органы, подобно тому как поступил мой народ. Возможно, и другие органы, коим у них несть числа, были адаптированы соответствующим образом. – Он сделал эффектную паузу и заявил: – В итоге здесьние Ускорители утратили свою специализацию!

Этим тезисом он вызвал бурный спор, продолжавшийся несколько часов. Панели утверждали, что разумное существо не может не быть специализированным. Во всяком случае, нигде в Галактике таковые не найдены. Но доказательства обратного были налицо – города Ускорителей, их механические повозки... И этот пойманный Ускоритель, представляющий всех своих сопланетников, явно способен изготавливать много разных вещей.

Но пусть бы он умел изготавливать все на свете – какой с него прок, если он не умеет ускорять?!

Думатель дал частичное объяснение:

– Эта планета – не первобытная. Она относительно стара, ей следовало присоединиться к Сотрудничеству тысячи лет назад. Но этого не случилось, и Ускорители оказались лишены своего исконного предназначения. Они были рождены, чтобы ускорять, но где тут найдешь работу по специальности? Ничего удивительного, что их культура свернула на ложный путь. Что собой представляет эта культура, мы можем только догадываться. Но если судить по увиденному, напрашивается предположение, что здесьние Ускорители для Сотрудничества непригодны.

За Думателем водилась привычка самые ужасающие выводы озвучивать самым спокойным и будничным тоном.

– А значит, вероятность получить помощь от этого Ускорителя почти нулевая, – безжалостно продолжал Думатель. – Следовательно, надо найти другую планету Ускорителей. У нас один шанс из двухсот восьмидесяти трех.

– Но нет же стопроцентной уверенности, что он не способен ускорять, – сказал Толкователь. – Чтобы в этом убедиться, нужно с ним поговорить.

Поверить, что разумное существо способно добровольно отказаться от Сотрудничества, для него было почти невозможно.

– И как же мы это сделаем? – спросил Питатель.

Они придумали способ. Врачеватель медленно надвигался на Ускорителя, а тот в ужасе пятился. И тогда Толкователь высунул нить из Корабля, обогнул его и ввел кончик внутрь за спиной у туземца.

Вот Ускоритель прижался к Панели – и нить проникла ему в голову, в самый центр мозга, в коммуникационное гнездо.

Ускоритель лишился чувств.

Когда он пришел в себя, Питателю и Врачевателю пришлось удерживать его конечности, иначе бы он разорвал связь. Пришло время Толкователю поупражняться в изучении чужого языка.

Задача оказалась несложной. Языки Ускорителей принадлежали к одной семье, и здешний не был исключением. Толкователю удалось набрать достаточно поверхностных мыслей, чтобы определить общую структуру.

Он попытался завязать разговор с Ускорителем.

Ускоритель молчал.

– Думаю, ему требуется пища, – сказал Питатель.

Экипаж вспомнил, что с момента появления Ускорителя на борту прошло уже почти двое суток. Питатель изготовил некоторое количество стандартной еды Ускорителей и предложил ее гостю.

– О боже! – воскликнул тот. – Бифштекс!

По паутине Толкователя побежали оживленные отклики Экипажа. Ускоритель наконец-то заговорил.

Толкователь проанализировал его слова и поискал у себя в памяти соответствия. Он знал сотни две языков Ускорителей и еще больше простых диалектов. Оказалось, гость говорит на смеси двух основных языков.

Насытившись, Ускоритель огляделся. Толкователь перехватил его мысли и транслировал их Экипажу.

Экипаж в глазах Ускорителя выглядел крайне диковинно – сущее буйство красок. Панели волнисто колеблются. Прямо впереди – кто-то похожий на паука, его тенета расползлись по Кораблю и проникли в головы всех прочих существ. Наблюдатель представляется нелепой голой зверушкой, чем-то средним между освеженным кроликом и яичным желтком, что бы эти слова ни означали.

Толкователю еще никогда не случалось мыслить образными сравнениями, и перспектива, открывшаяся благодаря Ускорителю, пришлась ему по душе. А Наблюдатель теперь и впрямь казался весьма забавным созданием.

Вскоре все было готово к переговорам.

– Что вы за твари, черт бы вас побрал? – спросил Ускоритель, впервые за двое суток успокоившись. – И почему захватили меня? А может, я просто спятил и мне все это мерещится?

– Нет, – ответил Толкователь, – у тебя здоровая психика. Мы торговый Корабль Галактического Сотрудничества. Из-за шторма сбились с курса, и у нас погиб Ускоритель.

– Понятно. Но я-то тут при чем?

– Мы хотим, чтобы ты присоединился к Экипажу и стал нашим новым Ускорителем.

После того как Ускорителю подробно объяснили ситуацию, он все обдумал. В его мыслях Толкователю удалось распознать конфликт: бедняга никак не мог решить, следует ли считать происходящее с ним реальным. Но наконец Ускоритель пришел к выводу, что не свихнулся.

– Вот что, ребята, – сказал он, – кем бы вы ни были и чем бы ни занимались, я не желаю иметь с вами никаких дел. Я, между прочим, в увольнении, и если не вернусь к сроку в часть, армия США меня по головке не погладит.

Толкователь попросил дать больше информации об армии США и полученную отправил Думателю.

– Эти Ускорители враждуют между собой, – сделал вывод Думатель.

– Но почему?! – поразился Толкователь.

И с грустью решил, что Думатель наверняка прав. Этот Ускоритель вел себя крайне агрессивно.

– Ребята, я бы и рад вам помочь, – сказал Ускоритель, – но мне пора на войну. Это во-первых, а во-вторых, с чего вы взяли, что я способен разогнать такую махину? Да чтобы ее с места стронуть, нужна целая танковая дивизия.

– Тебе что, нравится война? – спросил Толкователь, получив подсказку от Думателя.

- Еще чего! Кому она может понравиться? Уж точно не тем, кто должен на ней погибнуть.
- Тогда зачем же вы воюете?

Ускоритель сделал жест отверстием для приема пищи. Наблюдатель это заметил и переслал изображение Думателю.

- Не ты убьешь, тебя убьют. Ребята, да неужто вы не знаете, что такое война?
- У нас не было никаких войн, – ответил Толкователь.
- Счастливычики, – с грустью сказал Ускоритель. – А у нас их хватает с лихвой.
- Разумеется, – произнес Толкователь, получивший от Думателя исчерпывающее объяснение. – А хотел бы ты с ними покончить?
- Конечно, я бы не прочь.
- Так полетели с нами. Будь нашим Ускорителем.

Ускоритель встал и подошел к Накопителю. Сел на него и соединил плоские части верхних конечностей.

– И как же я, по-вашему, положу конец войнам? – хмуро спросил он. – Я кто? Простой солдат, рядовой Дэйв Мартинсон. Даже если пойду к большому начальству и расскажу...

– В этом нет необходимости, – сказал Толкователь. – Все, что тебе нужно сделать, это полететь с нами. Ускорить Корабль, чтобы мы добрались до нашей базы. А Галактика пришлет сюда контактеров. И войн больше не будет.

– Ну, этот номер не пройдет! – пообещал Ускоритель. – Вы, ребята, сели здесь на мель? Вот и отлично! Значит, больше никакие чудовища не прилетят и не захватят Землю.

Растерявшийся Толкователь пытался найти логику в услышанном. Может, он что-то неправильное сказал? Или Ускоритель как-то неверно его понял?

- Ты же говорил, что не хочешь воевать, – произнес Толкователь.
- Так и есть! Но я не желаю, чтобы какие-то чужаки нас растаскивали. Я не предатель. Лучше буду драться.

– Никто бы вас не растаскивал. Вы бы сами покончили с войнами, потому что исчезла бы необходимость в них.

- А ты знаешь, из-за чего мы воюем?
- Причина вполне очевидна.
- Да неужели? И что же это за причина, по-твоему?
- Вы, Ускорители, оказались в стороне от главного пути развития Галактики, – объяснил Толкователь. – У вас есть специальность, но вам нечего ускорять. То есть вы лишены настоящей работы. Поэтому играете в игрушки – с металлом, с другими неодушевленными вещами, – но подлинного удовлетворения не получаете. А это значит, что деретесь вы просто от безысходности. Как только получите свое место в Галактическом Сотрудничестве – а это, поверь, очень важное место, – ваши междоусобицы прекратятся. В самом деле, зачем драться, если можно ускорять? Одновременно придет конец и вашей механической цивилизации, поскольку в ней упадет надобность.

Ускоритель покачал головой, и Толкователь это расценил как жест растерянности.

- Ну и что означает это ваше «ускорять»?

Эта тема не входила в компетенцию Толкователя, поэтому он смог изложить только общую идею.

- Ты хочешь сказать, что на такое способен каждый землянин?
- Ну конечно, – подтвердил Толкователь. – Это и есть ваше великое предназначение. Несколько минут Ускоритель размышлял.
- Похоже, вашему брату нужен психотерапевт или еще какой-нибудь мозгоправ. Тому, о чем ты говоришь, мне нипочем не научиться. До службы я был студентом в архитектурном институте. К тому же... Впрочем, это трудно объяснить.

Но Толкователь уже понял довод, о котором решил умолчать собеседник. Увидел у него в мозгу образ Ускорителя женского пола. Даже двух... нет, трех! А еще уловил одиночество, непонимание, боязнь. Ускорителя терзали сомнения.

– Когда доберемся до Галактики, – заговорил Толкователь, надеясь, что выбрал правильную линию, – ты познакомишься с другими Ускорителями. И с Ускорительницами тоже. Вы, Ускорители, все похожи друг на друга, так что ты сможешь обзавестись друзьями. А что до одиночества на Корабле, так его просто не существует. Вот узнаешь, что такое Сотрудничество, и убедишься: в нем никто не одинок.

Ускорителя ошеломила новость, что где-то существуют другие Ускорители. Толкователь это счел крайне странным. В Галактике полным-полно и Ускорителей, и Питателей, и Толкователей, и прочих – все специальности бесконечно дублируются.

– Не могу поверить, что можно раз и навсегда прекратить войны. Откуда мне знать, что ты не лжешь? Никуда я не полечу.

Толкователь упал духом. Выходит, прав Думатель, предупреждавший, что от здешних Ускорителей проку не будет. Значит, это конец плодотворной жизни? Из-за невежества кучки Ускорителей Толкователь и его товарищи проведут остаток своих дней в космической пустоте?

Но едва Толкователь подумал об этом, как ему стало жаль Ускорителя. Ведь это же ужасно, когда ты вынужден сомневаться, страшиться, никому не доверять. Здешние Ускорители чудовищно запаздывают со вступлением в Сотрудничество. Если они не найдут своего места в Галактике, то просто-напросто самоистребятся.

– Как же мне тебя убедить? – спросил Толкователь.

В отчаянии он открыл для Ускорителя всю свою сеть. Явил ему грубоватую доброту Двигателя и веселую бесшабашность Панелей, поэтические наклонности Наблюдателя и жизнерадостную задиристость Питателя. Дал доступ к собственному мозгу и продемонстрировал виды родной планеты, семьи, дерева, которое хотел бы приобрести по возвращении.

Судьбы всех членов Экипажа, рожденных на разных планетах, воспитанных в несхожих этических системах, слившихся в великую общую судьбу – Галактическое Сотрудничество – проплывали перед мысленным взором Ускорителя, и тот смотрел в задумчивом молчании.

Через некоторое время он снова покачал головой. Сопровождавшая этот жест мысль была слабой, неуверенной – но по-прежнему отрицательной.

Толкователь велел Панелям раздаться. При виде отверстия в борту Ускоритель растерянно захлопал глазами.

– Ты можешь идти, – сказал Толкователь. – Отсоединись от сети и уходи.

– А вы как же?

– Полетим искать другую планету Ускорителей.

– Какую? Марс? Венеру?

– Мы пока не знаем. Лишь надеемся, что она найдется в этой области космоса.

Ускоритель посмотрел на отверстие, потом обвел взглядом Экипаж. Его лицо исказила гримаса нерешительности.

– Все, что ты мне показал, – правда?

Толкователь промолчал. Собеседник и так знал ответ.

– Ладно, – сказал вдруг Ускоритель, – согласен. Конечно, это глупость несусветная, но я полечу. А если окажется, что вы мне голову морочили...

Толкователь видел, как мучительно далось Ускорителю решение – он даже потерял связь с реальностью. Внушил себе, будто все это ему снится, а во сне любые решения даются легко и не имеют важных последствий.

– Вот только одна проблемка имеется, – с истерической легкостью произнес Ускоритель. – Будь я проклят, если умею ускорять. Ты что-то про сверхсветовую скорость говорил? Даже мило в час обещать не могу.

– Конечно, ты умеешь ускорять, – заверил его Толкователь, надеясь, что это правда. Он прекрасно знал, на что способны Ускорители. Но этот... – Просто попробуй.

– Да с удовольствием, – согласился Ускоритель. – Если не получится, то я, наверное, проснусь.

Пока Ускоритель что-то бубнил под нос, Экипаж подготовил Корабль к старту.

– Вот и сходил в увольнение, – ворчал Ускоритель. – Вместо отдыха на природе сплошные кошмары.

Двигатель поднял Корабль в воздух, Панели сомкнулись, Наблюдатель взял на себя управление.

– Мы вышли из атмосферы, – сообщил Толкователь, прислушиваясь к Ускорителю и надеясь, что у того выдержит рассудок. – Наблюдатель и Думатель проложат курс, я покажу его тебе, и ты разгонишь Корабль.

– Да вы свихнулись, – хмыкнул Ускоритель. – Точно, не ту планету выбрали. Ладно, все равно пора просыпаться...

– Ты теперь в Сотрудничестве, – с отчаянием произнес Толкователь. – А вот и курс. Ускоряй!

Но Ускоритель бездействовал. Он постепенно расставался со своей фантазией, осознавал, что происходящее с ним – не сон. Он осознавал Сотрудничество. Наблюдателя – с Думателем, Думателя – с Толкователем, Толкователя – с Ускорителем, их всех – с Панелями и друг с другом.

– Что это? – спросил Ускоритель.

Он ощутил единство Корабля, великое тепло, дружбу, достижимую только в Сотрудничестве.

Он попытался ускорить.

Ничего не произошло.

– Еще раз попробуй! – взмолился Толкователь.

Ускоритель поискал у себя в мозгу. И нашел глубокий колодец, полный невежества и страха. Заглянув в него, увидел свое искаженное лицо.

Толкователь посветил в этот колодец.

В невежестве и страхе Ускорители прожили тысячи лет. Страх заставлял их воевать. Невежество вынуждало убивать.

Так вот где оно прячется, умение ускорять!

Рядовой Дэйв Мартинсон – нет, специалист, Ускоритель – целиком включился в Экипаж, слился с ним, мысленно протянул руки и обнял за плечи Думателя и Толкователя.

Корабль рванулся вперед и вмиг набрал скорость в восемь раз больше световой. И это было только начало.

Ритуал

Акинобоб рысью подбежал к хижине старшего воспевателя и начал исполнять танец срочного сообщения, аккомпанируя себе хлесткими ударами хвоста по земле. Старший воспеватель тотчас подошел к двери и принял позу внимания, сложив руки на груди и обвив хвостом плечо.

– Прибыл богокорабль, – доложил Акинобоб, продолжая танцевать в соответствующем ритме.

– В самом деле? – спросил старший воспеватель, одобрительно наблюдая за пируэтами Акинобоба. Вот так, правильно! Не то что эти небрежные, смазанные движения еретиков-алхонитов.

– Воистину это он, божественно металлический! – вскричал Акинобоб.

– Хвала богам, – церемонно произнес старший воспеватель, стараясь не выдать своего ликования. – Свершилось! Боги вернулись! Созывай жителей деревни.

Акинобоб отправился на площадь, чтобы станцевать всеобщий сбор. Старший воспеватель возжег щепотку священного табака, натер хвост песком и, очистившись таким образом, поспешил в деревню, чтобы возглавить приветственные танцы.

Богокорабль, огромный металлический цилиндр, черный и помятый, лежал на небольшой поляне. Жители выстроились на безопасном расстоянии в фигуру общего приветствия всех богов.

Богокорабль открылся, и из него, шатаясь и спотыкаясь, вышли два бога.

В том, что это боги, старший воспеватель убедился с первого взгляда. В Великой Книге Богов, написанной пять тысяч лет назад, перечислены все виды богов и божественных созданий. Бывают боги большие и маленькие, крылатые и копытные, однорукие, двурукие и трехрукие, со щупальцами и с чешуей – божественная сущность способна принимать великое множество обликов.

Для каждого вида богов есть свой, только ему приличествующий Приветственный Ритуал. Так сказано в Великой Книге Богов.

Мгновенно распознав в прибывших двуногих, двуруких и бесхвостых богов, старший воспеватель быстро перестроил встречающих в соответствующий порядок.

Подбежал Глат, младший воспеватель.

– Который ты выбрал? – вежливо прокашлял он.

Старший воспеватель свирепо уставился на него:

– Танец разрешения на посадку, – ответил он, с достоинством выговаривая бессмысленные слова незнакомого языка.

– Правда? – Глат потер шею хвостом, выражая осторожное несогласие. – Алхона указывает, что сначала следует устроить пир, а потом уже все остальное.

Старший воспеватель сделал жест отвержения и повернулся спиной к нахалу. Пока он здесь главный, он не потерпит никаких уступок алхонской ереси, появившейся всего каких-то три тысячи лет назад.

Глат, младший воспеватель, возвратился на свое место в строю танцоров. Как глупо и смешно, думал он, что замшелые развалины вроде старшего воспевателя решают, что и когда танцевать. Совершенная нелепость, ведь доказано же...

Боги двигались! Они стояли, покачиваясь, на своих двух ногах. Вот один сделал несколько шагов и повалился ничком. Другой помог ему подняться, затем упал сам. И очень медленно снова встал на ноги.

Это выглядело потрясающе правдоподобно.

– Танец богов выражает согласие! – крикнул старший воспеватель. – Начинайте танец разрешения на посадку.

Жители принялись танцевать, стуча хвостами по земле и сопровождая пляску радостным кашлем и лаем. Затем, как предписывал ритуал, богов усадили на носилки из священных ветвей и понесли к Священному Холму.

– Я хотел бы поговорить об этом, – сказал Глат, догнав старшего воспевателя в процессии. – Это ведь первое появление богов за тысячи лет, так что, без сомнения, было бы лучше использовать обряды Алхоны, поскольку...

– Нет! – отрезал старший воспеватель, быстро перебирая шестью ногами. – Все правильные обряды описаны в Древней Книге Инструкций.

– Я знаю, – сказал Глат. – Но ведь не будет беды, если...

– Никогда! – твердо сказал старший воспеватель. – Каждый вид богов надлежит встречать соответствующим танцем разрешения на посадку. Далее следует танец предоставления посадочной площадки, танец таможенного досмотра, танец разгрузки и танец медицинского обследования. – Старший воспеватель раскатисто, с удовольствием произносил древние загадочные названия. – И лишь потом можно начинать пиршество.

Боги на носилках стонали и вяло махали конечностями. Глат понимал, что они исполняют танец человеческих страданий, дабы выразить родство со своими верующими.

Так и должно происходить согласно Книге Последнего Явления. Но Глат не мог не изумляться тому, как точно боги подражают человеческим чувствам. Глядя на них, можно подумывать, что они и правда умирают от голода и жажды.

Он улыбнулся при этой мысли. Всякий знает, что боги не могут страдать.

– Взгляни на это вот с какой стороны, – предложил Глат старшему воспевателю. – Главное – не допустить роковой ошибки, которую совершили наши предки в Эпоху Космических Полетов, верно?

– Разумеется, – ответил старший воспеватель, почтительно склонив голову при упоминании священного имени Золотого Века.

Пять тысяч лет назад их народ был богатым и процветающим, и к нему часто являлись разные боги. А потом, как утверждают легенды, кто-то допустил ошибку в ритуале и за это на всех было наложено проклятие под названием Запрет На Посещение. С тех пор боги не являлись им.

– Если богам понравятся наши церемонии, – сказал старший воспеватель, – они снимут с нас Запрет На Посещение, и тогда начнут являться и другие боги, как было встарь.

– Именно так. А Алхона был последним, кто видел бога. Уж он-то наверняка знал, о чем говорил, когда настаивал, что сперва должно быть пиршество, а потом уже танцы.

– Писания Алхоны есть ересь, – сказал старший воспеватель.

Глат уже в сотый раз задумался, не пора ли ему провозгласить себя главным и призвать жителей немедленно приступить к подношению воды и пиршеству. Многие в деревне тайком исповедуют алхонизм...

Нет, решил он, пока не время. Авторитет старшего воспевателя еще слишком велик. Вот бы, подумал Глат, боги сами подали знак...

Но боги по-прежнему возлежали на носилках, великолепно изображая жажду и боль смертных.

Богов разместили на вершине невысокого искусственного пригорка – Священного Холма, и старший воспеватель повел ритуал разрешения на посадку. В соседние деревни послали гонцов, чтобы они приняли участие в танцах.

Тем временем женщины готовили пиршество. Некоторые из них пустились в пляс просто на радостях, ибо разве не сказано в Писании, что, когда боги вернутся, Запрет На Посещение

будет снят и на всех вновь снизойдет благополучие и процветание, как в Эпоху Космических Полетов?

Один бог на Священном Холме лежал неподвижно, другой сел и стал тыкать пальцем себе в рот, изумительно изображая дрожь в руках.

– Это знак того, что боги благоволят нам! – возвестил старший воспеватель.

Глат кивнул, не прекращая танца. По складкам его шкуры катился пот. Да, старший воспеватель силен в толковании божественных знаков. Этого нельзя отрицать.

Потом и второй бог принял сидячее положение. Одной рукой он держался за горло, другой жестикулировал.

– Танцуйте быстрее! – пролаял старший воспеватель, чуткий к любым проявлениям божественной воли.

Один из богов поднял шум. Он кричал, показывал на свое горло и снова кричал, умело изображая человеческое страдание.

Все шло в строгом соответствии с тем, как описывался танец бога в Книге Последнего Явления.

Тут как раз подросла группа юношей из соседней деревни. Младший воспеватель уступил свое место одному из них, чтобы передохнуть. Отдышавшись немного, он подошел к старшему воспевателю.

– Ты намерен исполнить все танцы? – спросил он.

– Разумеется.

Старший воспеватель зорко следил за танцующими. В этот раз ошибки допустить нельзя. Это последняя возможность искупить свою вину и заслужить одобрение богов.

– Танец будет длиться все восемь дней, – сурово проговорил старший воспеватель. – А если кто-нибудь собьется с шага, начнем заново.

– Алхона говорит, сначала должна идти церемония подношения воды, – сказал Глат. – А потом...

– Иди и танцуй! – перебил старший воспеватель, сделав жест категорического отрицания. – Ты сам слышал, как боги прокашливали нам свое одобрение. Только так мы сможем снять древний Запрет На Посещение.

Младший воспеватель отошел. Эх, если бы он был главным! В стародавние времена, когда боги бывали здесь очень часто, подход старшего воспевателя, возможно, и был бы верным. Глат вспомнил, как в Книге Последнего Явления описывался прилет последнего богокорабля. Тогда началась церемония предоставления посадочной площадки (в те времена церемонии еще не называли танцами). Боги на это ответили танцем страдания и боли. Встречающие исполнили танец Разрешения На Посадку. А боги – танец голода и танец жажды, совсем как теперь. Далее последовала церемония таможенного досмотра, церемония разгрузки и церемония медицинского обследования. Все это время, в точном соответствии с ритуалом, богам не давали питья и еды.

Когда церемонии завершились, один из богов почему-то изобразил, будто он умер. Второй унес его в богокорабль, и боги покинули мир и больше не возвращались.

Вскоре после этого был наложен Запрет На Посещение.

Однако все древние писания по-разному толкуют причину случившегося. Одни утверждают, что богов оскорбила ошибка, допущенная в каком-то танце. Другие, подобно Алхоне, настаивают, что сначала следовало поднести богам угощение, а уж потом проводить церемонии.

Не все принимали учение Алхоны. В конце концов, разве могут боги страдать от голода и жажды? Почему пиршество надо устраивать прежде исполнения всего ритуала?

Но Глат свято верил Алхоне и надеялся однажды выяснить, чем его народ заслужил Запрет На Посещение.

Внезапно церемония прервалась. Глат поспешил посмотреть, что произошло.

Какой-то глупец оставил кувшин с обычной водой рядом со Священным Холмом. Один из богов полз к кувшину, тянул к нему руки. И уже почти дотянулся!

Старший воспеватель выхватил кувшин из-под носа у бога. Участники ритуала вздохнули с облегчением. Страшным кощунством было оставить обычную, неблагоуханную, неочищенную воду поблизости от богов. Если бы бог коснулся ее, в гневе он бы мог уничтожить всю деревню.

Бог разозлился. Он кричал, указывая на святотатственный кувшин. Затем он стал указывать на второго бога, по-прежнему возлежавшего лицом вниз в божественном экстазе. Потом показал на свою глотку, на потрескавшиеся губы и снова на кувшин. Сделал, покачиваясь, два шага и упал. Бог разрыдался.

– Внимание! – крикнул младший воспеватель. – Начинаем танец взаимовыгодного торгового соглашения!

Только его способность быстро принимать решения спасла их всех. Танцующие подожгли священные ветви и стали размахивать ими в сторону богов. Боги принялись одобрительно кашлять.

– А ты не растерялся, – проворчал старший воспеватель. – Что навело тебя на мысль об этом танце?

– У него такое впечатляющее название, – сказал Глат. – Я понял: нужно что-то мощное.

– Что ж... молодец, – сказал старший воспеватель и снова присоединился к танцующим.

Глат улыбнулся и обернул хвост вокруг талии. Только что младший воспеватель серьезно укрепил свои позиции. Теперь надо придумать, как ввести в обиход ритуалы Алхоны.

Боги лежали, хватая ртом воздух и кашляя, словно в предсмертной агонии. Глат решил дожидаться подходящего момента.

Танец взаимовыгодного торгового соглашения продолжался весь день, и боги исполняли свою часть ритуала. Из дальних деревень подоспели желающие присоединиться к служению, и боги одобрительно захрипели.

Когда танец завершился, один из богов очень медленно поднялся на ноги. И сразу же упал на колени, преувеличенно трогательно изображая смертельно ослабевшего человека.

– Откровение, – прошептал старший воспеватель, и все затихли.

Бог протянул вперед руки.

– Он обещает нам хороший урожай! – истолковал старший воспеватель.

Бог сжал кулаки и уронил их, словно застигнутый тяжелым приступом кашля.

– Он сочувствует нашим страданиям от жажды и нужды, – разъяснил старший воспеватель.

Бог снова указал на свое горло так жалобно, что некоторые в толпе разрыдались.

– Он хочет, чтобы мы начали танец сначала, – сказал старший воспеватель. – Давайте, построились, с первой фигуры...

– Ничего подобного! – отважно заявил Глат, решив, что настал его час.

Все уставились на него в потрясенном молчании.

– Боги желают увидеть церемонию подношения воды! – сказал Глат.

Толпа тихо ахнула. Подношение воды – часть алхонской ереси, которую старший воспеватель всячески клеймит как богопротивную. Но с другой стороны, старшему воспевателю уже так много лет... Возможно, Глат, младший воспеватель...

– Не позволю! – завопил старший воспеватель. – Подношение воды следует после пиршества, а пиршество – после танцев. Только так может быть снят Запрет На Посещение!

– Богам следует предложить воды! – крикнул младший воспеватель.

Оба уставились на богов в ожидании знака, но боги только молча смотрели на них измученными покрасневшими глазами.

Потом один из богов закашлялся.

– Знак! – воскликнул Глат, прежде чем старший воспеватель успел истолковать кашель в свою пользу.

Старший воспеватель попытался спорить, но безуспешно. Жители деревни всё слышали.

Принесли воду в ритуально очищенных расписных кувшинах, и танцоры заняли свои места, приготовившись к церемонии. Боги ждали, хрипло переговариваясь на своем языке.

– Пора! – провозгласил младший воспеватель.

Кувшин с водой поднесли богам. Один бог потянулся к кувшину, но второй оттолкнул его, стремясь добраться до воды первым.

По толпе прокатился тревожный ропот.

Первый бог слабо ударил второго и схватил кувшин. Второй отобрал у него воду и попытался поднести к своим губам. Первый рванулся вперед, кувшин выпал и скатился со Священного Холма.

– А я предупреждал! – возопил старший воспеватель. – Они отвергли воду, что совершенно естественно! Немедленно унесите ее, пока на нас не обрушилось проклятье!

Двое мужчин схватили кувшин и галопом усаkali прочь. Боги громко застонали, потом повалились на землю и замерли.

По указанию старшего воспевателя немедленно начался танец таможенного досмотра. Снова подожгли священные ветви и стали окуривать богов дымом. Боги слабо кашляли в благосклонности своей. Один попытался спуститься с холма, но упал ничком. Другой не шевелился.

Долго, очень долго боги лежали, не подавая никаких знаков.

Младший воспеватель стоял чуть в стороне от танцующих. Почему, гадал он, боги отвернулись от него?

Неужели Алхона ошибался?

Но боги ведь и правда отвергли воду.

Алхона ясно утверждал, что единственный способ снять загадочный Запрет На Посещение – это сразу же поднести воду и еду. Может быть, боги ждали слишком долго?

Неисповедимы пути богов, печально сказал себе Глат. Ему больше никогда не предоставится возможность стать главным. Лучше уж подчиниться старшему воспевателю.

Он медленной рысцой вернулся в круг танцующих.

Старший воспеватель постановил, что следует танцевать без перерыва четыре ночи и дня. А потом, если боги отнесутся к этому благосклонно, можно будет начать пиршество.

Боги не подавали знаков. Они лежали, распростершись на Священном Холме, и время от времени слабо подергивали руками или ногами, изображая людей, умирающих от истощения и жажды.

Безусловно, это были важные боги. Иначе как объяснить столь умелое подражание смертным?

Утром случилось непредвиденное. Хотя старший воспеватель отменил танец благоприятных погодных условий, на небе стали собираться тучи. Огромные, черные, они скрыли утреннее солнце.

– Тучи разойдутся, – заявил старший воспеватель, исполняя танец отрицания дождя.

Но тучи все же пролились дождем. Боги медленно зашевелились и обратили лица к небу.

– Несите шесты и доски! – крикнул старший воспеватель. – Несите солому! Боги проклянут дождь, ибо он не должен касаться их до завершения ритуала!

Глат, решив, что ему выпал второй шанс, возразил:

– Нет! Боги сами призывают дождь!

– Уведите прочь желторотого еретика! Несите солому!

Жители деревни оттащили Глата подальше и принялись строить вокруг богов хижину, чтобы защитить их. Старший воспеватель собственноручно устилал соломой крышу, работая быстро и почтительно.

Боги лежали, раскрыв рты навстречу внезапному ливню. Увидев, что старший воспеватель мастерит над ними кровлю, они попытались встать.

Старший воспеватель стал трудиться еще быстрее, понимая, что оскорбляет Священный Холм своим присутствием.

Двое богов переглянулись. Один из них встал на колени. Второй, приподнявшись, помог ему выпрямиться.

Первый бог встал в полный рост, пьяно шатаясь и опираясь на руку второго, оставшегося сидеть на земле. А потом вдруг сильно толкнул старшего воспевателя в грудь.

Старший воспеватель не устоял и кубарем покатился со Священного Холма, нелепо дрыгая ногами. Бог сбросил солому с крыши и помог второму богу встать.

– Знак! – закричал младший воспеватель, вырываясь из рук соплеменников. – Знак!

Не согласиться с ним было невозможно. Боги стояли запрокинув голову и ловили ртом капли дождя.

– Несите пиршественное угощение! – приказал Глат. – Так повелевают боги!

Жители деревни послушались не сразу. Встать на путь алхонской ереси – серьезный шаг, прежде надо хорошенько подумать.

Но поскольку младший воспеватель теперь главный, придется рискнуть.

И судя по всему, Алхона оказался прав. Боги выразили свое одобрение воистину по-божески, накинувшись на угощение точь-в-точь как изголодавшиеся смертные и принявшись хлебать напитки так жадно, будто и впрямь умирали от обезвоживания.

Глат жалел только об одном: что он не знает их языка и не может спросить, за какие грехи был наложен Запрет На Посещение.

Безымянная гора

Когда Моррисон вышел из штабной палатки, Денг-наблюдатель посапывал в шезлонге, приоткрыв во сне рот. Моррисон осторожно обошел его, чтобы ненароком не разбудить. Неприятностей и так хватало.

Ему предстояло принять делегацию аборигенов, тех самых, что барабанили в скалах. А потом проконтролировать уничтожение безымянной горы. Его помощник, Эд Лернер, находился на месте. Но прежде необходимо разобраться с последним происшествием.

Когда он пришел на строительную площадку, был полдень, и рабочие отдыхали, привалившись к своим гигантским машинам, жуя бутерброды и потягивая кофе. Все выглядело обыденно, однако Моррисон достаточно долго руководил перестройкой планет, чтобы не заметить дурных признаков. Никто его не поддевал, никто не заводил разговоров.

На сей раз пострадал бульдозер «Оуэн». В кабине осевшей на мосты машины ждали два водителя.

– Как это произошло? – спросил Моррисон.

– Не знаю, – ответил водитель, вытирая заливающий глаза пот. – Дорога словно вспучилась.

Моррисон хмыкнул и пнул громадное колесо «Оуэна». Бульдозер мог свалиться с двадцатифутовой скалы – и даже бампер у него не погнулся бы. Это была одна из самых прочных машин. И вот уже пятая выходит из строя.

– Здесь все идет кувырком, – сплюнул второй водитель.

– Вы теряете осторожность, – сказал Моррисон. – Тут не Земля. С какой скоростью вы ехали?

– От силы пятнадцать миль в час, – ответил первый водитель.

– Ага, – иронично поддакнул Моррисон.

– Святая правда! Дорога будто вспучилась, а потом провалилась...

– Ясно, – сказал Моррисон. – Когда до вас дойдет, что тут не скоростное шоссе? Я штрафую обоих на половину дневного заработка.

Он повернулся и зашагал прочь. Пусть лучше злятся на него, но забудут свой суеверный страх перед этой планетой.

Моррисон направился к безымянной горе. Из лачуги радиста высунулась голова:

– Тебя, Морри. Земля.

Даже при полном усилении голос мистера Шотуэлла, председателя правления «Транстерран стил», был едва слышен.

– Что вас задерживает?

– Происшествия, – коротко доложил Моррисон.

– Новые происшествия?

– Увы, сэр, да.

Наступило молчание.

– Но почему, Моррисон? Спецификация указывает мягкий грунт и терпимые условия.

– Да, – нехотя признал Моррисон. – Полоса неудач. Но мы ее осилим.

– Надеюсь, – сказал Шотуэлл. – Искренне надеюсь. Вы торчите почти месяц и не то что города – дороги не построили! У нас уже пошла реклама, публика интересуется. Туда собираются ехать люди, Моррисон! Промышленность и предприятия сферы обслуживания!

– Я понимаю, сэр.

– Безусловно, понимаете. Но они требуют готовую планету и конкретные сроки переезда. Если их не дадим мы, то даст «Дженерал констракш», или «Земля – Марс», или «Джонсон и Герн». Планеты – не такая редкость. Это тоже понятно?

С тех пор как начались происшествия, Моррисон с трудом держал себя в руках. Теперь его внезапно прорвало.

– Какого черта вы от меня требуете?! – заорал он. – Думаете, я затягиваю специально? Можете засунуть свой паршивый контракт...

– Ну-ну, – поспешно заюлил Шотуэлл. – Лично к вам, Моррисон, у нас нет никаких претензий. Мы верим – мы знаем! – что вы лучший специалист по перестройке планет. Но акционеры...

– Я сделаю все, что в моих силах, – сказал Моррисон и дал отбой.

– Да... – протянул радист. – Может, господа акционеры сами изволят пожаловать сюда со своими лопатами?..

Лернер ждал на контрольном пункте, мрачно взирая на гору. Она была выше земного Эвереста. Снег на склонах в лучах полуденного солнца отливал розовым.

– Заряды установлены? – спросил Моррисон.

– Еще несколько часов. – Лернер замаялся. Помощник Моррисона был осторожным низеньким седеющим человеком и – в душе – противником радикальных перемен. – Высочайшая вершина на планете... Нельзя ее сохранить?

– Исключено. Именно тут нам нужен океанский порт.

Лернер кивнул и с сожалением посмотрел на гору:

– Печально. На ней никто не побывал.

Моррисон молниеносно обернулся и кинул на помощника испепеляющий взгляд:

– Послушай, Лернер, я отлично сознаю, что на горе никто не побывал, я вижу символику, заключающуюся в ее уничтожении. Но ты знаешь не хуже меня, что от этого никуда не деться. Зачем растравлять рану?

– Я не...

– Мне платят не за пейзажи. Я терпеть не могу пейзажи! Мне платят за то, чтобы я приспособливал планеты к конкретным нуждам людей.

– Ты сегодня нервный, – произнес Лернер.

– Просто воздержись от своих намеков.

– Ну хорошо.

Моррисон вытер вспотевшие ладони о штаны и виновато улыбнулся:

– Давай вернемся в лагерь и посмотрим, что затевает этот проклятый Денг.

Выходя, Лернер оглянулся на безымянную гору, красным контуром вырисовывавшуюся на горизонте.

Даже планета была безымянной. Немногочисленное местное население называло ее Умка или Онья, но это не имело ровно никакого значения. Официальное название появится не раньше, чем рекламщики «Транстерран стил» подыщут что-нибудь приятное на слух для миллионов потенциальных поселенцев. Тем временем она значилась просто как «рабочий объект 35». На планете находилось несколько тысяч людей и механизмов; по команде Моррисона они станут разравнивать горы, сводить леса, изменять русла рек, растапливать ледяные шапки, лепить континенты, рыть новые моря – словом, делать все, чтобы превратить рабочий объект 35 в еще один подходящий дом для уникальной и требовательной цивилизации гомо сапиенс.

Десятки планет были перестроены на земной манер. Рабочий объект 35 ничем из них не выделялся: тихий мир спокойных лесов и равнин, теплых морей и покатым холмов. Но что-то неладное творилось на кроткой земле. Происшествия, выходящие за пределы любых статистических вероятностей, порождали нервозность у рабочих, а та, в свою очередь, вызывала новые и новые происшествия. Бульдозеристы дрались со взрывниками. У повара над чаном

картофельного пюре случилась истерика. Спаниель счетовода укусил за лодыжку бухгалтера. Пустяки вели к беде.

А работа – незамысловатая работа на незамысловатой планете – едва началась.

Денг уже проснулся. Он сидел в штабной палатке и, прищурившись, глядел на стакан виски с содовой.

– Как идут дела? – бодро поинтересовался он.

– Прекрасно, – отозвался Моррисон.

– Рад слышать, – с чувством сказал Денг. – Мне нравится наблюдать, как вы, ребята, трудитесь. Эффективно. Безошибочно. Все спорится. Любо-дорого смотреть.

Моррисон не имел власти над этим человеком и его языком. Кодекс строителей разрешал присутствие представителей других компаний – в целях «обмена опытом». На практике представитель выискивал не передовую методику, а скрытые слабости, которыми могла воспользоваться его фирма... А если ему удавалось довести руководителя стройки до белого каления – тем лучше. Денг был непревзойденным мастером в этом деле.

– Что теперь? – живо поинтересовался он.

– Мы сносим гору, – сообщил Лернер.

– Блестяще! – воскликнул Денг. – Ту здоровую? Потрясающе! – Он откинулся на спинку и мечтательно уставился в потолок. – Эта гора стояла, когда человек рылся в грязи в поисках насекомых и жадно поедал то, чем побрезгивал саблезубый тигр. Господи, да она гораздо старше! – Денг залился счастливым смехом и сделал глоток из стакана. – Эта гора высилась над морем, когда человек – я имею в виду весь благородный вид гомо сапиенс – еще ползал в океане, не решаясь выйти на сушу.

– Достаточно, – процедил Моррисон.

Денг посмотрел на него с укоризной:

– Но я горжусь вами, Моррисон, я горжусь всеми вами. Мы далеко ушли с тех пор. То, на что природе потребовались миллионы лет, человек может стереть в порошок в один день! Мы растащим эту милую горку по частям и возведем на ее месте город-поэму из стекла и бетона, который простоит сто лет!

– Заткнитесь! – с перекошенным лицом зарычал Моррисон и шагнул вперед. Лернер предостерегающе опустил ему на плечо руку. Ударить наблюдателя – верный способ остаться без работы.

Денг допил виски и высокопарно провозгласил:

– Посторонись, мать-природа! Трепещите вы, древние скалы и крутые холмы; ропщи от страха, о могучий океан, чьи бездонные глубины в вечной тишине бороздят жуткие чудовища! Ибо великий Моррисон пришел, чтобы осушить море и сделать из него мирный пруд, сровнять горы и построить из них двенадцатиполосное скоростное шоссе с комнатами отдыха вместо деревьев, столовыми вместо утесов, бензозаправочными станциями вместо пещер, рекламными щитами вместо горных ручьев, а также другими хитроумными сооружениями, необходимыми божественному человеку.

Моррисон резко повернулся и вышел. Он почувствовал искушение разукрасить Денгу физиономию и развязаться со всей чертовой работой. Но он не поступит так, потому что именно этого Денг и добивался.

«И разве стоило бы так расстраиваться, если бы в словах Денга не было доли правды?» – спросил себя Моррисон.

– Нас ждут аборигены, – напомнил Лернер, догнав шефа.

– Сейчас мне не до них, – сказал Моррисон. Но с далеких холмов донеслись свистки и бой барабанов. Еще один источник раздражения для его несчастных работников. У Северных

ворот стояли три аборигена и переводчик. Местные жители походили на людей – костлявые, голые первобытные дикари.

– Чего они хотят? – устало спросил Моррисон.

– Попросту говоря, мистер Моррисон, они передумали, – сказал переводчик. – Они хотят получить назад свою планету и готовы вернуть все наши подарки.

Моррисон вздохнул. Он затруднялся втолковать им, что рабочий объект 35 не был «их» планетой. Планетой нельзя владеть – ее можно лишь занимать. Суд вершила необходимость. Эта планета скорее принадлежала нескольким миллионам земных переселенцев, которым она требовалась отчаяннее, чем сотне тысяч дикарей, разбросанных по ее поверхности. Так, по крайней мере, считали на Земле.

– Расскажите им снова о великолепной резервации, которую мы подготовили. Их будут кормить, одевать, учить...

Беззвучно подошел Денг.

– Мы ошеломят их добротой, – добавил он. – Каждому мужчине – наручные часы, пара ботинок и государственный семейный каталог. Каждой женщине – губную помаду, целый кусок мыла и комплект настоящих бумажных штормов. Каждой деревне – железнодорожную станцию, магазин и...

– Вы препятствуете работе, – заметил Моррисон. – Причем при свидетелях.

Денг знал правила.

– Простите, дружище, – произнес он и отступил назад.

– Они говорят, что передумали, – повторил переводчик. – Буквально выражаясь, они велят нам убираться к себе на дьявольскую землю в небеса. Не то они уничтожат нас ужасными чарами. Священные барабаны уже призывают духов и готовят заклятия.

Моррисон с жалостью посмотрел на аборигенов. Что-то наподобие этого происходило на каждой планете с коренным населением. Те же самые бессмысленные угрозы дикарей. Дикарей, которые отличались гипертрофированным чувством собственного величия и не имели ни малейшего представления о силе техники. Великие хвастуны. Великие охотники на местные разновидности кроликов и мышей. Изредка человек пятьдесят соберутся вместе и набросятся на несчастного усталого буйвола, загнав его до изнеможения, прежде чем посмеют приблизиться, чтобы замучить до смерти булавочными уколами тупых копий. А потом какие празднования!.. Какими героями себя мнят!

– Передайте, чтобы убирались к черту, – сказал Моррисон. – Передайте, что если они подойдут к лагерю, то на собственной шкуре испытают кое-какие настоящие чары.

– Они пророчат страшную кару в пяти категориях сверхъестественного! – крикнул вслед переводчик.

– Используйте это в своей докторской диссертации, – посоветовал Моррисон, и переводчик лучезарно улыбнулся.

Наступило время уничтожения безымянной горы. Лернер отправился с последним обходом; Денг носился со схемой расположения зарядов. Потом все отошли назад. Взрывники скрючились в своих окопчиках. Моррисон пошел на контрольный пункт.

Один за другим рапортовали о готовности руководители групп. Фотограф сделал заключительный снимок.

– Внимание! – скомандовал по радио Моррисон и снял с предохранителя взрывное устройство.

– Взгляни на небо, – проговорил Лернер.

Моррисон поднял взгляд. Сгущались сумерки. С запада появились черные облака и быстро затянули коричневое небо. На лагерь опустилась тишина, замолчали даже барабаны на холмах.

– Десять секунд... пять, четыре, две, одна – пошла! – закричал Моррисон и вдавил кнопку. В этот миг он почувствовал на щеке слабый ветерок. И тут же схватился за кнопку, инстинктивно пытаясь возвратить содеянное.

Потому что еще до того, как раздались крики, он понял, что в расположении зарядов допущена кошмарная ошибка.

Позже, оставшись в одиночестве в палатке, после того как похоронили мертвых, а раненых отнесли в лазарет, Моррисон попробовал восстановить события. Это была, разумеется, случайность: внезапная перемена направления ветра, неожиданная хрупкость породы под поверхностным слоем и преступная глупость в установлении бустерных зарядов именно там, где они могли причинить наибольший вред.

Еще один случай в цепочке невероятностей, сказал он себе... и резко выпрямился.

Ему в голову впервые пришло, что все происшествия могли быть организованы.

Чушь!.. Но перестройка планет – тонкая работа, с виртуозной балансировкой могучих сил. Происшествия неизбежны. Если им еще помочь, они приобретут катастрофический характер.

Моррисон поднялся и стал мерить шагами узенький проход палатки. Подозрение с очевидностью падало на Денга. Конкурентные страсти могли завести далеко. Докажи он, что «Транстерран стил» некомпетентна, работы проводятся небрежно, в аварийных условиях, – и заказ достанется компании Денга.

Но это чересчур очевидно. Доверять нельзя никому. Даже у неприметного Лернера могли быть свои причины. Возможно, стоит обратить внимание на аборигенов и их чары – почему вдруг это проявление психокинетических способностей.

Он подошел к выходу и посмотрел на разбросанные вокруг палатки, где жили рабочие. Кто виноват?

С холмов доносился слабый бой неуклюжих барабанов бывших владельцев планеты. И прямо впереди высилась иссеченная шрамами лавин безымянная гора.

Ночью Моррисон долго не мог уснуть.

На следующий день работа продолжалась обычно. Денг, подтянутый и собранный, в брюках цвета хаки и розовой офицерской рубашке, подошел к колонне грузовиков с химикатами для сведения болот.

– Привет, шеф! – бодро начал он. – Я бы с удовольствием поехал с ними, если не возражаете.

– Извольте, – вежливо согласился Моррисон.

– Премного благодарен. Обожаю подобные операции, – сообщил Денг, забираясь в кабину головной машины рядом с картографом. – Такого сорта операции наполняют меня чувством гордости за человеческий род. Мы поднимаем эту бесполезную болотную целину, сотни квадратных миль, и в один прекрасный день поля пшеницы заколосятся там, где торчал камыш.

– Ты взял карту? – спросил Моррисон у десятника Ривьеры.

– Вот она, – сказал Лернер, передавая карту.

– Да... – громогласно восхищался Денг. – Болота – в пшеничное поле. Дух захватывает! Чудо науки. И что за сюрприз для обитателей болот! Вообразите испуг сотен видов рыб, земноводных, птиц, когда они обнаружат, что их водяной рай внезапно отвердел. Буквально отвердел вокруг них; фатальное невезение. Зато, разумеется, превосходное удобрение для пшеницы.

– Что ж, двинулись, – приказал Моррисон.

Денг игриво замахал провожающим. Ривьера влез в грузовик. Флинн, десятник-химик, ехал в своем джипе.

– Подождите, – сказал Моррисон и подошел к джипу. – Я хочу, чтобы вы последили за Денгом.

– Последить? – непонимающе уставился Флинн.

– Ну да. – Моррисон нервно потер руки. – Поймите, я никого не обвиняю. Но происходит слишком много случайностей. Если кому-то выгодно представить нас с дурной стороны...

Флинн по-волчьи улыбнулся:

– Я послежу за ним, босс. Не волнуйтесь за эту операцию. Может быть, он составит компанию своим рыбкам под пшеничными полями.

– Без грубостей, – предупредил Моррисон.

– Боже упаси. Я прекрасно вас понимаю. – Десятник нырнул в джип и с ревом умчался к голове колонны.

Полчаса процессия грузовиков взметала пыль, а потом последний исчез вдали. Моррисон вернулся в палатку, чтобы составить отчет о ходе работ.

И обнаружил, что не может оторваться от рации, ожидая сообщения Флинна. Хоть бы Денг что-нибудь натворил! Какую-нибудь мелкую пакость, доказывая свою вину. Тогда у Моррисона было бы полное право разорвать его на части.

Прошло два часа, прежде чем ожила рация, и Моррисон расшиб колено, кинувшись к ней при звуке зуммера.

– Это Ривьера. У нас неприятности, мистер Моррисон. Головная машина сбилась с курса. Не спрашивайте, как это произошло. Я полагал, что картограф знает свое дело. Платят ему достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.